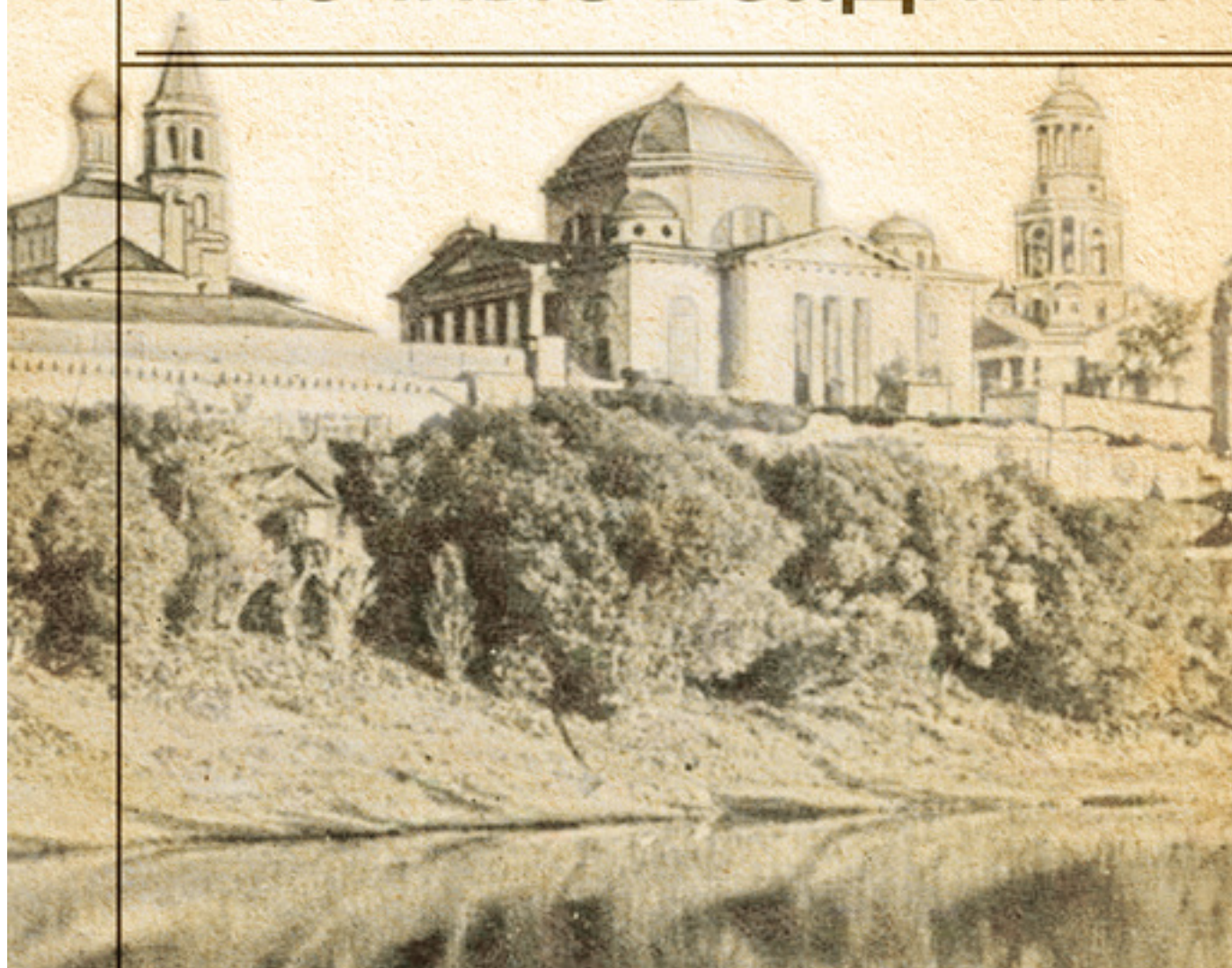

НИКОЛАЙ
СВЕЧИН

Ночные всадники

Николай Свечин
Ночные всадники (сборник)
Серия «Сыщик Его Величества»

Текст предоставлен правообладателем
2016

Аннотация

Действие повести «Последняя выставка» происходит в Нижнем Новгороде в 1896 году. Открыта XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка. На нее приезжает молодой император Николай Второй. Сыщик Алексей Лыков заведует его охраной и после отъезда государя собирается в отпуск. Но начальство решило иначе. Убит городской, местная полиция не в силах найти злодея. Лыкову поручено дознание. Между тем, убийства не прекращаются...

Повесть «Ночные всадники» является продолжением первой. Лыков завершил свое дознание и едет домой. В поезде ему встречается подозрительный попутчик. Ночью он сходит на глухой станции. Сыщик, повинуясь интуиции, тоже покидает поезд и следит за незнакомцем...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Свечин

Ночные всадники (сборник)

Часть 1

Последняя выставка

Глава 1

Последние приготовления

Лыков сошел с подножки и осмотрелся. Вагон электрической железной дороги взял пассажиров и отправился в обратный путь, к вокзалу. А надворный советник зашагал вперед, к главному входу на выставку.

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка – важнейшее событие не только для Нижнего Новгорода, но и для всей России. Решение о ее открытии принял еще покойный государь в 1893 году. Сейчас, спустя три года, великое действо было в полном разгаре. Завтра, 17 июля, ожидается прибытие молодого императора. Николай Александрович поселится наверху, в губернаторском дворце, на втором, «царском» этаже. И обязательно посетит за время пребывания в Нижнем два места: ярмарку и выставку. Событие это чрезвычайное, и много возлагает хлопот на охрану Его Величества. Безопасность венценосца – трудное дело. Решается оно лишь сообща, всеми защитными силами государства. Поэтому и Лыков здесь. Надворный советник уже неделю как приехал во главе Летучего отряда Департамента полиции. Отряд невелик: кроме самого Лыкова еще его помощник, губернский секретарь Валевачев, и пять надзирателей. Люди отборные, и надежнее их не найти. Все четыре дня августейшего визита именно они будут последним барьером на пути к государю. Большая честь и большая ответственность. Алексей старался не нервничать: хладнокровие еще пригодится ему. Впереди сумасшедшие нагрузки, когда ни на минуту нельзя расслабиться. Ну и ладно. Как-никак за плечами уже две коронации, опыт есть. Лишь четыре дня! А там отпуск.

Сыщик наизусть выучил секретную программу визита. Первое посещение выставки назначено в день приезда, после представления депутатов. Какие именно павильоны захочет посетить царь, неизвестно. Поскольку он человек военный, то наверняка осмотрит экспозицию Военного и Морского министерств. Никак не сможет игнорировать Кустарный и Сельскохозяйственный отделы. Обязательно пройдет по Центральному зданию. А дальше – куда потащат министры или губернатор. Императрица наверняка заинтересуется Художественным и, возможно, СреднеАзиатским отделами. Кто знает, что еще у нее в голове... На всякий случай, охрана должна быть готова ко всему. Даже если вдруг царственная чета явится на площадку торфодобывания, что в лесу за пределами выставочной площади. Поэтому надворный советник намеревался обойти всю выставку и осмотреть ее с точки зрения охраны. В который уж раз...

Еще дома Алексей изучил историю русских универсальных выставок. Их было пятнадцать, и проходили они всегда в столицах: Петербурге, Москве или Варшаве. Завел моду Николай Павлович с целью предьявить достижения хозяйства. Первая после этого выставка состоялась аж в 1829 году, и собиралась она через каждые два-три года. Но грозный царь умер, а его сын не так был увлечен созерцанием витрин. При Александре Николаевиче выставки прошли лишь дважды. Александр Третий учредил только одну, в 1882 году, и с тех

пор больше их не созывал. Но та выставка прошла с ошеломляющим успехом и превратилась в национальный праздник. Его захотели повторить. Поэтому за год до смерти государя министр финансов Витте уговорил его. Пора показать стране и миру нынешнее состояние промышленности! И сделать это в Нижнем Новгороде в признание важных его заслуг. На открытии Витте так и сказал: «Державная воля остановила свой выбор на этом городе ввиду выдающегося его экономического значения».

Как нижегородцу, Лыкову было приятно услышать такое. Однако знакомые финансисты дали сыщику другое объяснение, более реалистичное. Ярмарка стала снижать обороты! Неуклонное падение продолжалось уже много лет. В 1881 году, на пике, продали товаров на 246 миллионов рублей, а в прошлом году лишь на 180. Это вредно сказывалось на общем ходе экономического развития страны. И чахнувшую ярмарку решили поддержать выставкой. Кроме показа достижений хотели еще провести Всероссийский торгово-промышленный съезд, на котором соберутся более тысячи тузов всех мастей. Русские буржуа решили напомнить о себе власти. Что ж, дело хорошее... чтобы чиновники не закидали!

Александр Третий, хоть и был уже нездоров, решил поддержать идею и сильно ее толкнул. А могучая энергия Витте доделала остальное. Всего за два года на пустыре, на левом берегу Оки выше Кунавина, был устроен целый город. Площадь его составила 77 квадратных десятин! Это несколько больше, чем у знаменитой Всемирной выставки в Париже в 1889 году, и втрое обширней последней Московской выставки. Удалось собрать 9700 экспонентов! (В Москве было 5318.) Всех зданий, возведенных казной, насчитывается 55, а на средства частных лиц и учреждений – 117. Чтобы обойти их, понадобилась бы целая неделя.

Администрация XVI выставки много внимания уделяла посещаемости. В Москве шестнадцать лет назад экспозицию осмотрели 1 миллион 77 тысяч 198 посетителей. «Даешь миллион!» стало девизом и нижегородского события. Для гостей из разных городов разработали 183 маршрута, сделали скидку на билеты, а учащихся всех заведений, если они в форме, впускали бесплатно. На входных турникетах установили автоматические счетчики, которые подсчитывали количество посетителей. Цифры будто бы еженедельно телеграфировали в Министерство финансов.

Выставка торжественно открылась 28 мая приветственной речью все того же Витте. Нижний Новгород получил из казны миллион на благоустройство, поэтому местная администрация была весьма довольна. Давно «карман России» так не подновляли! Обыватели наблюдали признаки возросшего статуса. Наконец-то открылся Городской театр, место для строительства которого указал еще Николай Первый. Снизу на гору пустили два фуникулера: один возле Гостиного двора, а второй у Похвалихинского съезда. Проложили электрическую железную дорогу считай, что по всему городу. Выстроили две станции: телефонную и для выработки тока. Украсили город зданиями Биржи, Волго-Камского банка и Окружного суда. Перевели в Дмитровскую башню из «Петровского домика» на Почайне историко-художественный музей. Заново побелили весь кремль. Вымостили более 50 000 квадратных саженей мостовых. Реконструировали водопровод, ассенизацию, городские бойни. А сколько гостиниц понаделали! Особенно вдоль Выставочного шоссе. Куда их потом девать, никто пока не думал: ждали наплыва посетителей и больших барышей. Но вот уже наступил июль, а наплыва все не было. Ярмарку специально открыли на два месяца раньше срока, одновременно с выставкой, но и это не помогло. Весь июнь купцы приезжали торговать очень вяло, из рядов едва открылась треть. Набежали, правда, четыреста корреспондентов от разных газет и газетенок, а честных зевак пока немного.

Но вот завтра прибудет государь, и это даст толчок всему, в том числе и росту визитеров.

Лыков этого не увидит, проводит царя – и домой. Сестра с матушкой уже съездили в бутафорский городок, посмотрели, после чего перебрались на дачу. Поэтому надворный советник остановился не у них, а в номерах Ахапкина на Алексеевской. Всего двадцать комнат, уютных и в меру комфортабельных. Второй этаж заняло МВД.

Помимо Лыкова с его отрядом два номера держали для Зволянского. Директор Департамента полиции прибудет вместе с государем. Но если министра Горемыкина поселят в «Центральной», начальник Алексея захотел быть поближе к своим людям. Сыщика это устраивало. Все равно будет не до сна. Но ежели вдруг потребуетя команда сверху, то близость директора окажется очень кстати. А то набегут Дворцовая полиция, жандармы, Охранное отделение и всякого другого чина и звания люди и начнут лишь мешать Летучему отряду. Тут-то Горемыкин на них и цыкнет. По просьбе департамента...

Так, думая о своем, Алексей добрался до главного входа. Выставка имела их всего три. Правый был со стороны железной дороги. Там выстроили специальную станцию Нижний-Выставка, с багажным отделением и буфетом. Кто приезжал по рельсам, мог, не попадая в город, зайти на территорию отсюда. Левый вход заложили со стороны реки, напротив особой пристани. Сюда приплывали по Оке на специальных пароходах.

Главный же был со стороны Кунавина, откуда ожидался основной наплыв посетителей. Дорога к нему была украшена флагами, по обеим сторонам чуть не сплошной шеренгой тянулись новенькие здания гостиниц. Среди них особенно выделялись два огромных каменных корпуса «Железнодорожной» и оригинальное круглое здание «Европейской».

Вот и главный вход. Два белых портика, по пять турникетов в каждом, стояли по бокам ажурных ворот. Лыков махнул пропуском со своим фотографическим портретом, толкнул турникет и оказался внутри. И в который уж раз, мысленно ахнул.

Выставка представляла собой большой и очень нарядный город, все здания которого блистали новизной и отделкой. Павильоны и павильончики соревновались, кто ярче и необычнее явит себя посетителям. Всюду башенки и купола, флаги и рекламные вывески. Сооружения, конечно, временные, сделаны из сборных конструкций, но выглядят как капитальные. Очень много клумб и скверов с аккуратно скошенной травой. 250 дуговых фонарей, в 10 ампер каждый, освещают вечером все уголки. Четыре пруда радуют глаз. Между скверами проложены дорожки, посыпанные белым песком; площадь всех дорожек 60 000 квадратных саженей! Всюду вывески: «Курить воспрещается» и «Остерегайтесь карманных воров». А еще буфеты пивоваренных компаний, киоски по продаже воды и кваса и три первоклассных ресторана. Скучно не будет!

Зрительно большие корпуса группируются вокруг так называемого Центрального здания. Оно играет роль ядра. За границей такие корпуса называют дворцами промышленного труда. Больших павильонов всего два десятка. Между ними, как миноски между линкорами, рассыпаны тут и там павильоны помельче, многие из которых изготовлены частными фирмами для демонстрации своих товаров.

Выставка открывается большим белым обелиском. На постаменте его помещены надписи с цитатами из царских указов. Венчает памятник государственный герб. Затем полукруг из изящных колонн предваряет главный пруд. Вытянутый с запада на восток, он украшает эту часть выставки и создает вид загородного парка. По зеркальной глади пруда плавают лебеди, в середине бьет высокий фонтан. Говорят, при максимальном напоре его высота составит 60 саженей! Врут, конечно. Но вид впечатляющий. Чем не Версаль? Лыков, правда, не видел Версаля, но, кто посещал, утверждали, что похоже... А еще водоем вмещал 700 000 ведер воды и служил пожарным резервуаром.

Справа от пруда привлекает взор одно из самых красивых строений выставки – Средне-Азиатский павильон. Главный купол, выложенный по образцу самаркандских древностей, окружают башенки-минареты с полумесяцами наверху. В боковые павильоны помещены

кочевые кибитки и юрты, и такие же окружают все здание. Окна в мавританском стиле, орнаментальная резьба – все изящно и обличает хороший вкус архитектора. Профессор Померанцев не ударил в грязь лицом.

От группы азиатцев Лыкову приветливо помахал рукой стройный загорелый офицер. Это был капитан Скобеев, полицмейстер туземной части Ташкента. Он привез на выставку по поручению туркестанского генерал-губернатора оркестр восточных инструментов. Помимо всего прочего, Иван Осипович являлся доверенным Алексея в части поставок леса из Варнавинского уезда. Поэтому приятели уже посидели в ресторане, подбили баланс и выпили изрядно водки. Два года назад судьба свела их вместе в Средней Азии¹. Там погибло несколько русских. Полиция не могла найти убийц. Лыков, тогда частное лицо, против своей воли оказался втянут в дознание. После рискованных приключений он вернулся на коронную службу. А Скобеев остался в Ташкенте. Ему обещали за немалые подвиги чин подполковника, но так и не дали – воспротивился военный министр. А главный «толкач», престарелый инженер-генерал Тринитатский, вскоре умер. Теперь Иван Осипович, по-прежнему капитан, ждал приезда государя. Вдруг тот захочет послушать нагару или чыджак?² Скобеевский оркестр наяривал с утра до вечера. Русскому уху слушать эту какофонию было не вмоготу. Ничего музыкального: однообразное гудение, рев трубы и дробь барабанов... Зато чувствовалась подлинная Азия! После отъезда Его Величества полицмейстер намеревался вернуться в Ташкент к исполнению обязанностей. Две тысячи рублей полугодового комиссионерского вознаграждения грели его карман. Продажа лыковского леса шла бойко и давала хорошие барыши. Стороны расстались довольные друг другом.

Слева от пруда белеет Художественный павильон. Нарядное здание спроектировано тем же Померанцевым. Лыкову говорили, что ажурным куполом оно напоминает знаменитый Флорентийский собор. Сыщик и там не бывал, потому судить не мог. По фасаду павильон украшен скульптурами, и много скульптур внутри. Из последних посетителей более всего нравится «Русалка» Бондаревского – смазливая нагая бабенка с рельефными достоинствами. Но много и серьезной живописи, как академиков, так и передвижников; есть и граюры, и медальерное искусство. На выставке имеются также два отдельных павильона. В первом демонстрируется огромное полотно «Воззвание Минина» работы Константина Маковского, во втором – панорама «Взятие аула Ахульго» кисти профессора Рубо.

Пруд упирается в самое большое строение всего городка – Центральное здание. Это такое гигантское кольцо, у которого внешний диаметр 150 саженей, а внутренний 80. В кольце сделано 8 вырезов трапециевидной формы – просторные дворы. Площадь корпуса – 7675 квадратных саженей! Внутри круга цветник, и в нем веранда, на которой ежедневно играет оркестр лейб-гвардии Преображенского полка. Огромный разборный корпус из стекла и железа остался от Московской выставки 1882 года, после которой не нашел применения. Сейчас его заново собрали и наштапиковали экспозитами. Основные участники принадлежат к четырем отделам: Горному, Фабрично-ремесленному, Художественно-промышленному и Отделу изделий из волокнистых веществ. Алексей не сразу сообразил, чем Художественный отдел отличается от Художественно-промышленного. Ему объяснили, что в последнем расположены ювелирные изделия, фарфорово-фаянсовые, резные из дерева и кости, предметы женского рукоделия и прочее.

В Центральном здании выставлены тысячи образцов. В их числе, например, золото и платина, все виды соли, нефть и нефтепродукты, асфальт, шелк, пенька, басоны, нитки,

¹ См. книгу «Туркестан».

² Нагара – пара глиняных горшков с затянутыми кожей отверстиями, туземные барабаны. Чыджак – струнный инструмент, изготавливается из пустого кокосового ореха и жил животных.

ткани, меха... Очень красивы установки³ ювелиров: Фаберже, Хлебникова, Овчинникова. Больше всего, конечно, тканей, они начинаются сразу от главного входа. В Фабрично-ремесленном отделе – столярное и портняжное дело, мебель, часы, обувь, платье... А самоварное царство! Фирма Аленичкова и Зимина выставила огромный самовар на 20 ведер, около которого всегда стоит толпа зевак.

После самоваров и гнутой мебели начинаются ажурные витрины металлургических уральских заводов. Их сменяют изделия польских цинкопромышленников и образцы кавказского марганца. Илецкие соледобытчики показывают высеченный из соли храм-беседку. И вообще, чего тут только нет! Чтобы обойти все здание, одного дня недостаточно. Государь непременно захочет заглянуть сюда. Отделом волокнистых веществ заведует сам Савва Морозов, он не пропустит случая обратить на себя августейшее внимание. Поэтому сыщик в очередной раз пробежался по корпусу, осматривая выходы и потайные места.

Напротив разреза доменной печи, что в отделе горного дела и металлургии, ему встретилась группа начальников. Впереди шествовали нижегородский губернатор Баранов и генеральный комиссар выставки Тимирязев. Эти два человека тащили весь воз и больше других потрудились для успеха дела. Тоже ждут государя, тоже волнуются! За ними семенила свита. Городской полицмейстер Яковлев о чем-то спорил с полицмейстером выставки бароном Таубе. Начальник ГЖУ⁴ полковник Куртьянов шел мрачный, а ему бубнил в ухо бригадмейстер Щигельский. Последним шагал коллежский советник Савич, правая рука Тимирязева, главный его помощник. Савич – человек живой и общительный, но немного нервный. Седой как лунь (хлебнул горя в турецком плену). С тонкими чертами лица, с лучистыми глазами, Илья Никитич нравился сыщику. Они общались по службе, не очень сближаясь: дела у них были все же разные, но оба чувствовали какое-то притяжение друг к другу. Оба в молодости «били турку», только Алексей делал это удачнее.

Сейчас Савич подвинулся умом на посещаемости и каждый день ходил проверять билетеров. Говорили, что он дал слово Витте обеспечить явку в миллион. Служащие администрации за спиной коллежского советника посмеивались над этим, но в глаза лебезили. Уж очень горяч и у начальства на первом плане. Тимирязев и даже министр финансов доверяют ему самые важные вопросы.

Алексей постороился, пропуская колонну. Баранов на ходу пожал ему руку, и остальным пришлось сделать то же самое.

– Вечером жду на совещании, – буркнул губернатор, не останавливаясь.

У Лыкова с генерал-лейтенантом Барановым были сложные отношения. Пятнадцать лет назад тот недолго служил градоначальником Петербурга и немало успел начудить на этом посту. Герой Русско-турецкой войны, кавалер Георгиевского креста, прославился боем парохода «Веста» с турецким броненосным корветом «Фетхи-Буленд». История подвига была темная, моряками скрываема от общественности. Благово, учитель и наставник Алексея, сам в прошлом служил во флоте. Он сразу заявил ученику: нет никакого подвига! А есть очковтирательство. «Веста» просто удачно сбежала с поля боя, но ловкач Баранов выдал это за победу. Потом случилась глупая стычка в гимнастическом зале, когда Алексей невежливо бросил градоначальника на ковер... Баранов затаил неприязнь и на Павла Афанасьевича, и на его могучего ученика. Пройдя через архангельское губернаторство, он угодил в Нижний Новгород и сидел на этой должности уже давно. Визит государя давал Баранову надежду, что о нем вспомнят при Дворе. Генерал-лейтенант чудил и здесь: порол на ярмарке буйных купцов, боролся экспрессивными методами с холерой. Лыкова он по старой памяти терпеть не мог. Вдруг в последнюю встречу все изменилось. Приехав

³ Установк а – витрина (устаревш. название).

⁴ ГЖУ – губернское жандармское управление.

в Нижний, Алексей сразу пошел представляться хозяину губернии. Тот состроил было козью морду, но увидел на мундире гостя новую награду. Это была медаль «В память царствования императора Александра Третьего», только что учрежденная. Лыков, как столичный человек, уже успел ею украсить; в провинцию она пока не дошла. Губернатор стал крутить медаль в сильных пальцах и аж причмокивал.

– Вам уже выдали, – сказал он с завистью, – а нам шиш!

– А вот и нет, Николай Михайлович, – ответил сыщик. – Я облечен приятной обязанностью передать такую же награду вам, лично от министра. Вот извольте получить. Здесь одна особо лежит, а еще десять штук ближайшим помощникам на усмотрение вашего превосходительства.

Баранов развернул сверток, тут же нацепил медаль и побежал к зеркалу. Человека словно преобразили! Он потребовал из приемной коньяку и заставил гостя выпить, обмыть отличие. Больше же всего губернатора радовала возможность наградить своих подчиненных. И это Алексею понравилось. Явились правитель канцелярии Харлампович, старший советник губернского правления Парфенов, помощник губернатора Есипов. Начальник вручил им медали на красной александровской ленте и каждому с чувством пожал руку. Да, в провинции такие маленькие радости весят больше, чем в столицах... После этого эпизода Баранов изменил отношение к Лыкову на доброжелательное. Опять же, и дело, которое поручено надворному советнику, особое! Случись что, именно он подставит грудь за государя. Как уже поступал раньше. Взаимоотношения Лыкова с нижегородцами сразу улучшились.

Алексей долго бродил по бесконечным коридорам Центрального здания. Там одних входов восемь штук! Некоторые замечания по безопасности он записывал в блокнот. Например, в Фабрично-ремесленном отделе Алексей заметил стенд сиропитательных домов, приютов и колоний, позади которого отгорожен занавеской целый угол, незнамо зачем. Бесхозный, никому не нужный закут – а там удобно спрятаться. Надо будет поговорить о нем с полицмейстером Таубе.

Сыщик вышел наконец наружу и отправился на левую сторону. И едва не попал под коляску. Крепкий молодец усердно толкал ее перед собой, разгоня прохожих. В коляске наподобие инвалидной развалился рыхлый купец. Такие устройства впервые появились на предыдущей выставке в Москве, и теперь их завели в Нижнем Новгороде. Площадь экспозиции большая, многим лень осматривать ее пешком. Но услуга приживалась плохо. Алексей в Японии ездил на рикшах, и ему тоже было неловко. Противно русскому духу передвигаться на людской тяге...

Вот и главный корпус Фабрично-заводского отдела. Популярное место! Бросаются в глаза пищевые продукты, а также пиво, вино, табак и сахар. Следом выставлены мука, крахмал, аптечный и химический товар, парфюмерия, свечи, мыло. Замыкают экспозицию бумажное, щетинное и кожевенное производства. Мужчины, конечно, льнут к виноделам. Их приехало немало: 92 экспонента с продукцией виноделия и 109 – винокурения! Шустов выстроил из своих коньяков триумфальную арку. И дает всем пробовать... Другие участники тоже интересны. Одесский сахарный завод поражает всех гигантской сахарной головой. Она равна по весу трехминутной выработке всего завода. Впечатляет! Есть и недостатки. Убранство многих частных установок, например, оставляет желать лучшего: дорого, пестро и безвкусно.

Рядом с главным приткнули дополнительный Фабрично-заводский корпус. Он необычной эллипсообразной формы, внутри выставлены преимущественно экипажи.

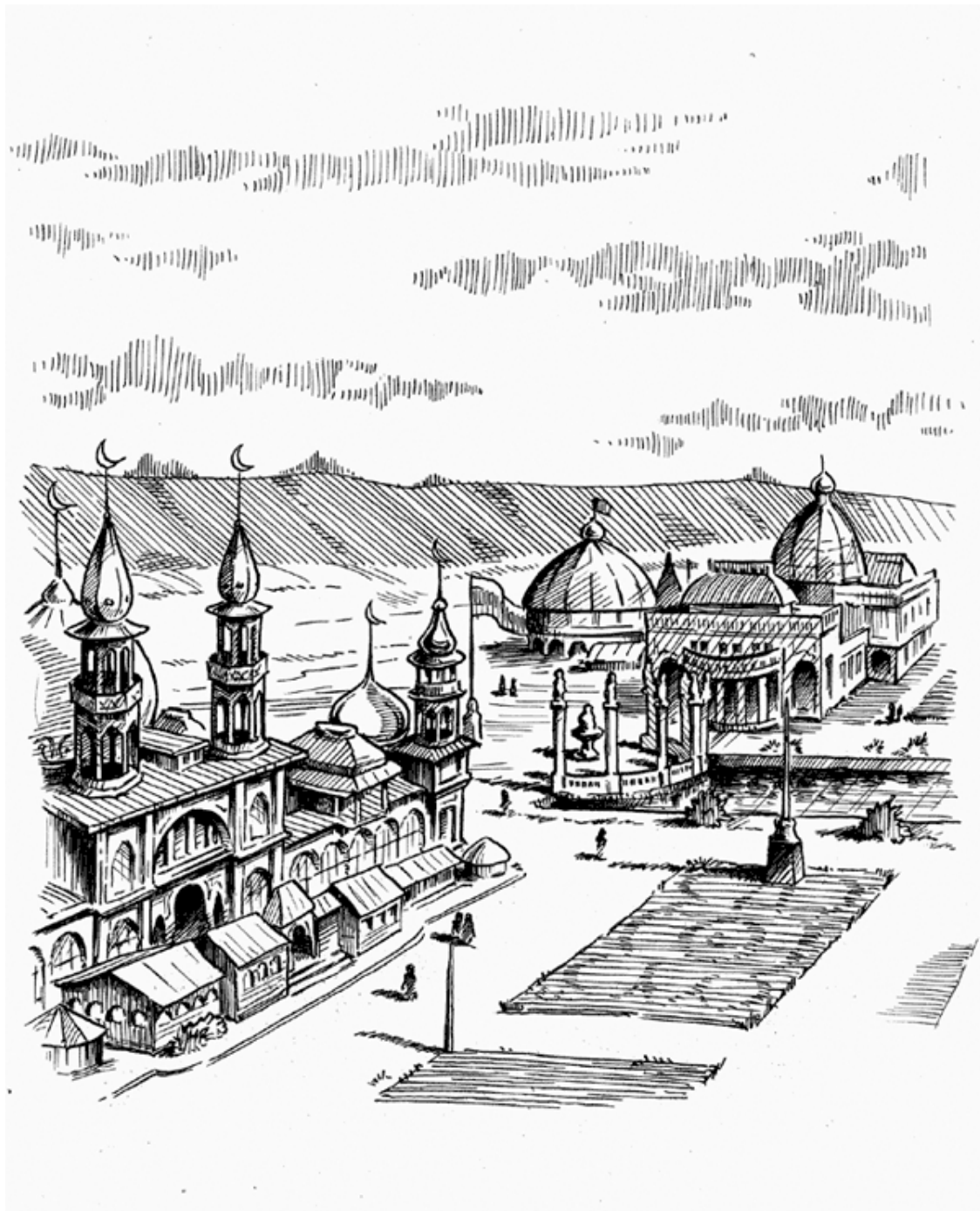
Путь к корпусу лежал мимо сладко пахнущих домиков товарищества сыновей Абрикосова. Перед эллипсом совершал свои обычные эволюции бензиномотор. Первый русский самодвижущийся экипаж! Наверняка покажут государю. Изготовили его отставной лейте-

нант флота Яковлев и горный инженер Фрезе. Говорят, на хорошем шоссе мотор разгоняется до двадцати верст в час! Алексей познакомился с инженером, узнал цену. Полторы тысячи рублей – не так уж и дорого. Купить и гонять потом на нем по Варнавину, пугая коров... То-то Титус обрадуется. По Петербургу сейчас ездят четыре таких, но все они германского производства. Некоторые говорят, что скоро двигатель на бензине вытеснит лошадь. Совсем с ума соскочили...

Алексей поравнялся с квадратным павильоном водолазного дела. Сюда государь вполне может зайти! Внутри большой железный бак, полный воды, с окнами в стенках. Через них каждый час можно наблюдать, как военные моряки в медных шлемах гуляют по дну. А справа от Фабрично-заводского расположились Военный и Морской отделы выставки. Никто мимо них не пройдет! Здание работы академика Котова напоминает своими угловыми башенками русские кремли. На задах разместился воздухоплавательный парк, и болтается в воздухе аэростат. У входа установлена новейшая миноноска длиной в одиннадцать сажень, водоизмещением в тридцать тонн. Доставили ее сюда по железной дороге, а от рельсов до павильона волокли на полозьях 350 мужиков. На миноноске дневальный регулярно отбивает «склянки».

В морской половине много чудес. Выставлен сварной паровой котел без единой заклепки, или модель ботика Петра Первого. Лежит пушка, выдержавшая на испытаниях 6000 выстрелов и по-прежнему пригодная для стрельбы. По боковому фасаду разложено несколько орудий Обуховского завода, и самое тяжелое из них, двенадцатидюймовое, весит 2600 пудов!

Не менее интересна и сухопутная половина корпуса. Она тоже украшена пушкой, на этот раз береговой девятидюймовой мортирой. Рядом притулился семипудовый снаряд. Еще дальше пять живых лошадей будто бы перевозят разобранное на части горное орудие. Как не хватало русской армии на Кавказе таких усовершенствований! Еще Лыков с завистью смотрел на хирургические приборы в эбонитовых колодках, производства инструментального завода Военного министерства. Эбонит – антисептик, и такие мелочи очень важны в полевых условиях. Бывший солдат вдоль и поперек излазил весь отдел. Изучил даже приборы для бактериологического исследования воздуха и аппарат для открытия ядов. А что? На войне пригодится! Определение ядов ему и как сыщику было интересно. Надо рассказать Зволянскому – пусть департамент купит одну установку! Можно в складчину с градоначальством...

Еще на стендах лежали предметы вещевого довольствия войск, образцы сухарей и консервов, тюки прессованного сена (важная новинка). Привлекала всеобщее внимание и модель «опасной мастерской» порохового завода. Долго всякий раз Алексей простаивал и возле рельефной карты Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Разглядывал речку Ликуа, которую сто раз переходил вброд, отправляясь по ночам за «языком». Или Столовую гору, на которой получил удар кинжалом... А когда выходил наконец на улицу, задирает голову и глазел на башню военно-почтовой голубиной станции. Расположенная на крыше павильона, она вмещала 125 пар голубей, специально обученных полетам в сторону Москвы. Держись, враг!

После Военного и Морского отделов следовало определиться. Куда теперь? На всякий случай надворный советник облазил почти все крупные здания левой части выставки,

и часть мелких. Не пошел только в бараки Красного Креста и в Научно-учебный корпус. Не стал он тратить время и на Царский павильон. Резное красивое здание, тоже работы Померанцева – сюрприз императорской фамилии от устроителей. Захотят августейшие гости отдохнуть, а у них на выставке собственный дом. Изнутри он великолепно отделан. Кабинет императрицы особенно хорош, вся мебель в нем изготовлена в стиле Людовика XV. У входа новинка: электрические часы. На втором этаже кухня с электрической плитой! Есть собственная башенка со смотровой площадкой. Вокруг павильона специально не стали возводить высокие корпуса, поэтому вид с площадки был вполне панорамный. Рядом с кухней служебные помещения. Людям из Летучего отряда там отведена комната, и специально для Лыкова поставлен диван. За четыре дня высочайшего пребывания в городе запланировано два посещения выставки – вот диван и пригодится...

Разобравшись с левым флангом, сыщик по большой дуге стал переходить на правый. Он игнорировал павильоны плодоводства и птицеводства, не заглянул и в поселок огнеупорных построек. Можно было бы сесть на трамвай и доехать до Кустарного отдела с ветерком – выставка имеет собственную электрическую дорогу длиной три с половиной версты. Линия русская, фирмы «М. М. Подобедов и К», проезд стоит пятачок, а после семи вечера – гривенник. Она уникальна.

Прочие линии опутаны воздушными проводами, по которым подается ток. На выставке такие провода очень испортили бы внешний вид, и Подобедов от них отказался. Его вагоны питаются от провода, положенного в подземный канал. Такое устройство втрое дороже, чем воздушная канализация! Зато не ухудшается обзор. Дорога Подобедова снабжается от собственной электростанции.

Еще две линии пущены в городе. Самая длинная, четыре с лишним версты, тянется от главного входа выставки через Московский вокзал и ярмарку на правый берег Оки. Ее обслуживает «Сименс и Гальске», и берет десять копеек. Третья тянется от плашкоутного моста до Скобы, а потом возникает наверху, соединенная фуникулером. От кремля она доходит по Большой и Малой Покровкам аж до Смирновского сада. Здесь по другому фуникулеру можно опять спуститься вниз и вернуться на выставку. Очень удобно! Эта линия принадлежит фирме «Р. К. фон Гартман и К», и она самая дешевая: пятачок в первом классе и три копейки во втором. Полицейские и почтово-телеграфные служащие могут ездить в вагонах бесплатно, но не более чем один человек зараз. Пока электрическая дорога мало популярна, и особой давки нет. После отъезда государя администрация ожидает резкого роста посещаемости и ярмарки, и выставки. Вот тогда в вагон не влезешь... Городские линии, конечно, обезображены воздушными проводами, но тут ничего не поделаешь. Иначе проезд станет людям не по карману.

Алексей дошел до главной оси выставочного городка. Два корпуса Сельскохозяйственного отдела никак нельзя было пропускать. Вместе с государем прибудет министр сельского хозяйства и государственных имуществ Ермолов. Он не позволит самодержцу пройти мимо своих экспонентов. А их 750! Одних только скотных дворов под огромными навесами четыре, а еще птичники, пасека, теплица, образцовые огороды. Есть даже черводонья с коллекцией шелкопрядов. В центре первого павильона стоит большая конструкция. Это уменьшенная в миллион раз копия того огромного закрома, в который условно помещается весь русский урожай хлеба. Основание такого закрома, существуй он на самом деле, насчитывало бы двенадцать десятин, а высота – верста! В прошлом 1895 году собрано 2,5 миллиарда пудов зерна. Непременно покажут такую диковинку государю. Во второй павильон вряд ли заглянут. Там почвоведение, мелиорация – все скучные материи. Сельскохозяйственные машины? Подумав, сыщик вычеркнул и это здание. Забраковал он и павильон коневодства. Сейчас, в июле, там рабочие и упряжные лошади. Государь, по слухам, к ним равнодушен. Есть еще косяк – огромный загон для табунных лошадей, но пока он пустует. Павильон

птицеводства? Живописное здание по проекту академика Лазарева-Станищева видно изда- лека. Ну куры, индейки, певчие птички... Нет на них времени! Отдел садоводства и огород- ничества? Там все вызреет лишь к августу. Вот куда следует сунуть нос, так это в корпус охотничьих, пушных и рыбных промыслов. Во-первых, Россия съедает в год 70 миллионов пудов рыбы! Важнейшая статья питания в стране с таким количеством постных дней. Во- вторых Его Величество сам охотник и мимо не пройдет. В-третьих, какое здание! Акаде- мик Бенуа очень необычно облицевал его портал берестой, вышло красиво. Потом, внутри восемь больших аквариев с рыбой всех сортов. Самый крупный аквариум длиной в шесть аршин, и в нем скучает белуга. Говорят, ее съедят в день закрытия...

В правой половине этого же павильона помещается отдел лесоводства. Лыков имел там личный интерес. Среди двухсот экспонентов отдела есть и Нефедьевская дача. Пока имение представляет помощник управляющего Рукавицын. Евлампий Рафаилович все так же деяте- лен и является надежным подкреплением Титусу. Когда ярмарка заработает в полную силу, его сменит Яан.

Образцы строевого и поделочного леса сложены во дворе, для глаз посетителей. Титус списался с углепромышленниками, что явятся на выставку, и собирается проникнуть нефе- дьевским лесом в Донбасс.

Следующий павильон, в который гости непременно зайдут – Кустарный. В России семь миллионов кустарей, в шесть раз больше, чем фабрично-заводских рабочих. На пятистах саженях корпуса выставлены предметы труда из 37 губерний, всех экспонентов почти три тысячи. Из них 1200 человек представляют сами себя. Сидят и что-то клепают... Дня не хва- тит, чтобы всех обойти! Можно предположить, что особое внимание Их Величества уделят витрине Нижегородского земства. И из вежливости к принимающей стороне, и по размеру экспозиции.

Куда дальше? Понятно куда... В свите будет еще один министр, путей сообщения, князь Хилков. Он непременно потянет высоких гостей на север, к своим паровозам. Выпуск- ник Пажеского корпуса и гвардейский офицер уехал в Америку, где прошел весь путь от кочегара и машиниста до директора дороги. Помахал князь лопатой и в России. И сейчас, конечно, захочет блеснуть мастерством на глазах государя. Значит, пройдут в Строительный и инженерный отделы. Он состоит из двух прямоугольных зданий, соединенных посередине круглым. Весь комплекс сам по себе является чудом технической мысли. Крыши на нем сделаны без стропил, по системе инженера-механика Шухова. Просто натянутая висячая сетка, покрытая листовым железом. И ничего, не падает... Круглый павильон устроен спе- циально для размещения паровозов. Внутри поворотный круг, от которого расходятся ради- усом 16 путей. Коллекция подвижного состава занимает полторы версты нормальной колеи! Это не считая узкоколейного состава. А под навесами выставлены пассажирские вагоны. Среди них, как памятник старины, показывают личный вагон императора Николая Первого.

Куда еще потащит государя Хилков? Могут заглянуть, например, в корпус морского и речного судоходства, но вряд ли – там скучновато. А вот здание Волжско-Каспийского пароходства не минуют: уж очень оно красиво, одно из лучших на всей выставке. Внутри установлены две яхты – «Верейка» и «Плезир». Эти исторические корабли выстроены еще Петром Первым, а резьбу на «Верейке» делал лично великий преобразователь.

Что еще обязательно посетит Его Величество? Конечно, Машинный отдел. Он самый приметный, вверх вытянулись пятнадцать саженей железа и стекла. Гигантская оваль- ная крыша переливается на солнце разноцветными огнями. Внутри собственная котельная на восемь котлов, от которой питаются три огромные паровые машины. Те, в свою очередь, приводят в движение все экспозиты отдела. Вдоль главного корпуса проведены два ряда передаточных валов, которые тоже являются отличным образцом. В отделе всегда шумно, долго там августейшие гости не продержатся, но зато интересно!

Так... Водонапорная башня Бари. Хотя правильнее сказать Шухова. Газетчики окрестили ее «наша Эйфелева башня». Тоже пятнадцать саженей в высоту, а сделана из ажурного железа! Наверху резервуар на 10 000 ведер воды, плюс смотровая площадка. Туда всегда очередь из зевак. В пасмурные дни с башни через «волшебный фонарь» проецируют на облака объявления и рекламу. Полезут наверх Их Величества? Вряд ли. Государыня не захочет, чтобы снизу кто-то заглядывал ей под подол. Опять же, в Царском павильоне у них есть собственная обзорная вышка.

Следующий павильон, который на подозрении у Лыкова – Сибирский. Академик Бенуа спроектировал его в виде огромной крестьянской избы. Рядом поставлены остяцкая юрта и якутский чум. Бог бы с ними, но внутри павильона очень красивый грот из самоцветных камней, с бюстом государя. По заказу Кабинета Его Величества грот изготовила Екатеринбургская гранильная фабрика. Установка вышла необыкновенно живописная, и от посетителей нет отбоя.

Наконец, рядом стоит павильон Общества китайских чаоторговцев с необычными круглыми окнами. Он выстроен в виде пагоды и набит образцами привозной и отпускной торговли России с Китаем и Японией. Большинство товаров, конечно, вне конкурса, как сфабрикованные за границей. Кажется, все. Уф...

Лыков вернулся к Средне-Азиатскому павильону, откуда начал обход и сел передохнуть. Вот он и просмотрел все, что может заинтересовать царскую чету. Или не все? Молодая государыня, говорят, анемичная особа и не любит толпу. Но что-то и ей нашепчут на ухо. Например, перед павильоном лесоводства стоит красивый цветник Иммера – трудно пройти мимо. Или в отделе Крайнего Севера живут ненцы в национальных костюмах, а в гроте с бассейном обитает ученый тюлень. Он по команде сторожа говорит лающим голосом «папа», «мама» и «ура!». Как не поглядеть? В Азиатском корпусе устроен восточный базар, в котором подают чай и лимонад; пространство красиво убрано коврами и всякими древностями. А в отделе народного образования показывают церковь-школу из рубленых бревен. Она очень изящна и выстроена в два этажа. Внизу спальни учеников и квартира учителя. Наверху собственно храм, четыре класса и библиотека. Хорошо, конечно, Синод нафантазировал, но в жизни такое чудо представить трудно...

Или взять павильон донецких углепромышленников. Он выполнен в виде горы из настоящего антрацита, в которую врезается штольня. А Департамент уделов? По крыше его стоят статуи зубров, и чучело настоящего зубра помещено внутри. Царская охота! Только государю дозволяется бить этих зверей. Он лично решает, кого позвать с собой в Беловеж, и попасть туда – высшая честь в империи. Возле павильона высажены фруктовые деревья, и среди них виноград. Он, конечно, предварительно выгнан в теплицах. Гроздь уже довольно крупные; как знать, вдруг он и вызреет под нижегородским небом? Лыков каждый день отщипывал по ягоде. Ему казалось, что плоды становятся все слаще и слаще...

Есть еще павильон ведомства императрицы Марии, красивый терем о двух шатрах по проекту художника Григорьева. Там, конечно, скука смертная, но венценосные особы по статусу обязаны его посетить. Записываем!

Утомившись без пива, Алексей зашел в буфет Жигулевского товарищества. Там в углу сидели Савич и старший билетер Лугвенеv. Коллежский советник что-то выговаривал собеседнику, а тот молча слушал.

Опять стружку снимает с подчиненного! Лыков знал, что Лугвенеv и Савич однокашники и были в юности приятелями. Когда чиновнику понадобился для контроля доверенный человек, он вспомнил о друге молодости. По роду службы сыщик изучил формуляр старшего билетера. Потомственный дворянин, а стоит на входе! Неприятно. Не от хорошей, знать, жизни принял он такое предложение. Есть дельцы, что поднимут человека из грязи, а потом требуют чуть не сапоги за это целовать. Не из них ли господин Савич? Лыков хотел

спрятаться в углу. Однако чиновник кивком головы отпустил Лугвенева и призывно махнул надворному советнику рукой. Пришлось подсесть к нему.

– Поздравляю!

– С чем же, Алексей Николаевич? Уж не с тем ли, что ожидаются ливни и публика совсем перестанет к нам ходить?

Действительно, место для городка было выбрано на болотистой почве, и после каждого дождя выставка обильно покрывалась грязью.

– Ну, дожди пройдут. Но ярмарка перевалила за обычный срок открытия! Позавчера было 15 июля!

– Ну и что? Говорят, ряды и сейчас полупустые! Нам от нее не будет никакой пользы.

– Вы ошибаетесь, Илья Никитич. Завтра приезжает государь! Он непременно пройдет и по ярмарке. Поэтому главные тузы все уже здесь, в Нижнем. Они не упустят возможность представиться Его Величеству. А с ними свита, приказчики, доверенные, стряпчие, да и просто зеваки. Сейчас ваше дело получит мощный толчок!

– Вы полагаете? – с надеждой спросил Савич.

– Я не полагаю, я знаю. За последнюю неделю в город приехало огромное количество гостей! И не забывайте, что говорите с нижегородцем, который три ярмарки был тут помощником начальника сыскной полиции.

– Да, я и забыл об этом! – воодушевился помощник комиссара. – Значит, все скоро наладится?

– Непременно! Нет лучше рекламы, чем августейший визит. Заготовьте побольше билетов!

– А сколько дней пробудет здесь Его Величество? Успеет ли он заехать к нам не один раз, а, к примеру, два?

– Он точно будет дважды, – сказал Лыков, понизив голос. – Но мы допускаем, что не исключен и третий приезд.

– Ух ты!

– Об этом я вам и толкую! Витте пользуется полным доверием и своего не упустит. Такое событие! Выставки не было, считай, пятнадцать лет. За прошедшее время наша промышленность удвоилась. Обязанность государя подчеркнуть это своим особым вниманием. Так что идите и готовьтесь к давке в ваших турникетах.

Савич убежал окрыленный. «Мне бы его заботы», – подумал сыщик. Кое-как перекусив, он разложил перед собой план выставки и еще раз внимательно его осмотрел. Так. Дворцы промышленного труда – более-менее понятно. А какие частные павильоны привлекают внимание императорской четы? Их тут целая куча, домиков-пряников. Нефтепромышленники оборудовали свои павильоны настоящими вышками. А у братьев Нобель даже показывают фрески с видами бакинских промыслов. Правда, почему-то за деньги⁵. Есть коптильня для рыбы, демонстрируется в действии. Перед фасадом Фабрично-ремесленного отдела в ряд выстроились аж девять павильонов колокольных заводов и наяривают день-деньской. Все уже сведено в готовые колокольни, с подбором звонов. В урочные часы делаются испытания, и тогда лучше держаться отсюда подальше. Промышленник Финляндский выставил колокол в 1010 пудов. А его главный конкурент Оловянишников – в 1040! То-то звону...

Имеются и курьезные экспоненты. К примеру, мыловар Жуков выставил в своем шкапу отлитые из мыла бюсты последних четырех императоров. И, кстати, очень похожи! А позади птицеводов расположился кремационный клозет-генератор для сжигания экскре-

⁵ Плата направлялась на устройство общепольного учреждения в память посещения императором Александром Третьим Баку.

ментов по системе полковника Труханова. Делать, видать, нечего полковнику; лучше бы службу нес... Ну, туда государь не пойдет, а вот в винные павильоны запросто. Пропустить стаканчик. Таких, чтобы заинтересовали Его Величество, всего три или четыре. Ну, само собой, знаменитый Елисеев. Потом князь Голицын со своим шампанским. Генерал Анненков с азиатскими винами. В павильоне Департамента уделов тоже могут налить.

Насчет пива – вроде бы Николай Александрович его не любит. Однако у Калинкина выставлена огромная бочка в пять тысяч ведер – вдруг захочет поглядеть?

Прикинув примерный маршрут Их Величеств, сыщик наложил его на схему постов выставочной полиции. Плохо, конечно, брать такие документы в пивную, но тут пусто, а кабинета у Лыкова нет. В номерах Ахапкина можно работать лишь по бумагам, а здесь все на виду. Появился вопрос – пошел и проверил.

Через час Алексей закончил начатое дело. Он решил попросить Таубе передвинуть три поста. На выставке 460 городских: кажется, мышь не проскочит. Но расположение постоянных и подвижных постов сделали равномерным, а это ошибка. Вопрос только, согласится ли с этим полицмейстер.

Подполковник фон Таубе приехал в Нижний Новгород из Пермской губернии, где занимал должность екатеринбургского исправника. Лыков внимательно изучил и его формуляр. Вероисповедания лютеранского. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище, в сентябре 1864 года произведен Высочайшим приказом в прапорщики. Алексею в это время едва стукнуло семь лет... По собственному желанию перевелся в пограничную стражу. Служил в Вержболовской бригаде, потом в Таврической. За отлично-усердную службу награжден денежной выдачей в триста рублей... Потом перевелся снова, на этот раз в Варшавское генерал-губернаторство. Назначен начальником земской стражи и полицмейстером Плоцка. Тут у него служба шла успешно: две благодарности от губернатора за энергию по должности. Произведен в ротмистры за отличие. Потом из Польши переметнулся на Урал, и опять все в ажуре. Уволен из военного ведомства для определения к статским делам с производством в подполковники. Исправник и одновременно директор Екатеринбургского тюремного отделения. Пожалован бриллиантовый перстень с вензелевым изображением имени Его Высочества Великого князя Михаила Николаевича во время пребывания его в городе, за отличную распорядительность. Объявлена благодарность губернатора за примерный порядок во время пребывания уже двух великих князей, Сергея и Михаила Михайловичей. Умеет принимать важных особ! За это, надо полагать, и назначен на выставку с должности помощника нижегородского полицмейстера. Правда, полицмейстер выставки – место временное. И штат городских тоже набран на временных основаниях. Таубе, строго говоря, не полицмейстер, а исправляющий должность. В октябре, когда все закроют, он вернется к своим прежним обязанностям. Если начальство останется довольным... Так что посты Александр Александрович согласится переместить. Ведь случись что, не сносить головы. Да и кто станет спорить с представителем Департамента полиции в вопросах обеспечения безопасности государя!

Еще перед отъездом из столицы Алексей поинтересовался у своего друга Виктора Таубе, кем ему приходится здешний барон. Тот не смог сразу ответить.

Долго расспрашивал родственников, даже телефонировал в Департамент герольдии. Таубе – многочисленный род. Есть ветви немецкая, польская, шведская и лифляндская. Александр Александрович, видимо, относился к последней, корни его были из Риги. Ишь развелось баронов...

Выставочное управление полиции располагалось в малом здании администрации, справа от главного входа. Тут же бюро для журналистов и квартира полицмейстера. Большое здание, в котором заседал Тимирязев, стояло чуть ближе к железной дороге. Секретарь

Таубе сказал, что подполковник занят, но скоро освободится. Действительно, через минуту из кабинета полицмейстера выскочил красный взъерошенный городской. Не иначе заснул на посту... Сразу же Лыкова пригласили внутрь.

– Провинился, Александр Александрович?

– Точно так, Алексей Николаевич. Грубо ответил обывателю. Набрали сброд из уездов, ни сказать не умеют вежливо, ни разъяснение какое дать!

Действительно, временный штат выставочной полиции вербовался в трех уездах: Ардатовском, Горбатовском и Арзамасском. А какие там силы? Отставные ефрейторы да пяток унтеров. Но взяли 156 человек! Вот и попались взъерошенные...

– Что у вас? Надолго? Вечером у его превосходительства последнее совещание...

– Я не задержу, – ответил Лыков. – Вот схема постов и подвижных караулов. Тут и тут я просил бы вас сдвинуть постового. Пусть в случае чего... не дай бог, конечно... можно будет иметь силы с обеих сторон возможного прохода государя. А вот здесь изменить направление караулу. После отъезда Его Величества все вернем в исходное.

Таубе вызвал пристава выставки губернского секретаря Муханова, и три опытных человека быстро нашли общий язык. Закончив с делами, сыщик поехал в гостиницу. Завтра начнется! Следовало проверить людей, дать последние наставления Валевачеву и подготовиться к совещанию. Потом будет не до этого.

Юрий обнаружился в своем номере. Бедолага в который раз изучал карту города, ярмарки и выставки. Обязанности у него были – сидеть на связи. Огромная свита с пятью министрами, губернские чиновники, военные, три полиции, охранное отделение, жандармы, командированное усиление... Будет кутерьма, в которой каждый постарается попасться на глаза государю, в дело и не в дело. Вот и придется Валевачеву со всеми ладить и сглаживать неизбежные конфликты. Человек он обходительный, представительный – справится. Случись какая заваруха, толку от парня будет немного, Лыков со своими людьми обойдутся без него, а человек для поручений нужен. И не абы кто, а с классным чином, чтобы мог и к губернатору подойти, и к министру.

Учитель и ученик отправились завтракать в гостиницу «Центральная». Собственно, это большое здание – будущий Окружный суд. Но до осени, пока работает выставка, здесь разместили гостиницу. Причем не простую, а для важных людей, всего на пятьдесят номеров. Потому и ресторан тут особый: первоклассный, но недорогой и с отдельными кабинетами. Людей с улицы пускали в него неохотно. И могли обслужить намеренно не спеша, чтобы больше не приходили. Министры со своими секретарями поселятся именно здесь. Отставная знаменитость, бывший военный министр Милютин, приезжавший посмотреть выставку в конце июня, тоже останавливался в «Центральной».

Двух полицейских прислуга знала и накормила быстро. За кофе Алексей рассказал своему помощнику о последних новостях. Вчера и позавчера в Нижний Новгород приехало больше ста тысяч человек! Гостиницы переполнены, свободных мест нет. Полиция и временное охранное отделение не справляются с наплывом. Они утонули в переписке со столицами. Нежелательные, подозрительные и ненадежные элементы были высланы заранее. По высочайшему повелению, с 7 июня Нижний Новгород, а также Нижегородский, Балахнинский, Семеновский и Горбатовский уезды объявлены в положении усиленной охраны. Это означает повальную ежедневную проверку паспортов во всех гостиницах, меблированных комнатах и трактирах. Местных выслали, но едут новые! Они сдают паспорта, приказчики гостиниц тащат их в часть, и начинается кавардак. Нужно проверить, нет ли постояльцев в списках тех, кому запрещен въезд в город. А как это сделать? Сто тысяч сразу! Пока пристав сочинит запрос в управление, пока то переправит бумагу в МВД, пока последнее сверится с картотекой злодеев и мошенников, пройдет две недели. А государь приезжает завтра. И то

вопрос, где искать? У общей полиции свой список, розыскной алфавит⁶. У жандармов свой, там только политические. Еще есть пьяницы и просто беспокойные, которых начальство распихало по камест кого куда. Что мешает такому беспокойному прибыть на выставку, посмотреть достижения народного хозяйства? Ничего. Опасности он не представляет, но скандал произвести может. Про бомбистов в империи, слава Богу, давно не слышно, но вдруг? Кинуть снаряд в толпе куда как удобно. Завтра все эти проблемы в полный рост встанут перед последним заслоном Его Величества – Лыковым и его пятью помощниками.

Валевачев попытался успокоить шефа. Недавно все это уже было! Лыков охранял государя на коронации в Москве, два месяца назад. И обошлось! Правда, в давке на Ходынском поле погиб один из членов Летучего отряда Иван Серебрянский. Бросился спасти людей и многих вывел с помощью казаков. А потом сам полез в гущу вытаскивать женщину с малым дитем. Но толпа затянула Ивана в свой смертельный водоворот и обратно не отдала... Обезображенное тело опознали потом лишь по найденному в кармане сыскному револьверу.

Позавтракав, полицейские отправились в охранное отделение. Полное название его звучало так: Особое при Нижегородском губернаторе Отделение по охране общественной безопасности и порядка. Его создали в прошлом году на временных началах, как раз под приезд государя. Возглавлял отделение полковник Евецкий. Он вершил все дела, связанные с политическим сыском; ГЖУ было у охраны на подхвате. Штата в 32 человека Евецкому показалось мало, и он набрал еще 107 единиц вольнонаемных. Люди полковника контролировали строительство выставки, следили за настроениями. Весной заведывающий отделением донес губернатору, что инженер Смелницкий обсчитывает рабочих при возведении своей гостиницы на Выставочном шоссе. И вообще строит небрежно и с нарушениями. Баранов мер не принял. И через неделю стены гостиницы обрушились, ранив шестерых рабочих. Узнав эту историю, Лыков стал относиться к Евецкому и его сведениям с должным вниманием.

Алексей спросил у полковника о новостях. Тот, затурканный, с красными от бессонницы глазами, молча вывалил на стол кучу новых отношений. Сыщик взял верхнее и зачитал вслух:

– «Нужное. Экстренно. Секретно.

Господину нижегородскому полицмейстеру и исполнительным чиновникам. Прошу сообщить, не появлялся ли в Нижнем Новгороде и на ярмарке состоящий под негласным надзором полиции обнорский мещанин Иван Сергеев Гутаперчев. Имеет при себе бессрочную паспортную книжку, выданную ремесленным старостой города Сургута. Подозревается в причастности к шайке фальсификаторов чая. При обнаружении указанного Гутаперчева прошу уведомить меня об обнаруженных его поступках и вообще оказавшемся по наблюдению. Примите уверения и проч. Обнорский уездный исправник, поручик запаса пехоты Похитонов».

– Вот, Алексей Николаевич! – желчно воскликнул Евецкий. – И таких бумаг полицмейстер с губернатором сегодня прислали мне два десятка! Делать нам тут нечего, кроме как следить за фальсификаторами чая! Поручик запаса пехоты... И все экстренно и срочно! Или вот уже из Москвы, на мое имя. – Он схватил бумагу и стал бегло читать: – «Имею честь сообщить ВВБ⁷ на зависящее распоряжение. Из Аргентины приехала в Россию именуемая себя русской подданной Антогия Липинская. Подозревается в участии в торговле женщинами с целью разврата. Паспорт аргентинский, визирован русским генеральным консульством в Буэнос-Айресе. Необходимо проследить, не явится ли указанная особа на выставку.

⁶ Полное название: Особый секретный алфавитный список разыскиваемых преступников.

⁷ ВВБ – вашему высокоблагородию.

О последующем не откажите уведомить меня». И конец замечательный! «Покорнейше прошу ВВБ принять уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности. Подпись: заведывающий⁸ измерительным и справочным отделением московской сыскной полиции коллежский регистратор Зюзин». Это он так полковнику пишет, стервец!

– Да, бестактно. Павел Николаевич, а из настоящего ничего нет?

– Из серьезного ничего. Разве вот это.

Евецкий несколько успокоился. Он порылся в папке и протянул сыщику клочок дешевой почтовой бумаги.

– Ну-ка... Анонимка. «Вашему высокоородию Петру Яковлевичу...» Адресовано полицмейстеру?

– Да, пришло по почте. А он, как всегда, переслал мне. Писал неизвестный, но сигнал серьезный, надо проверить.

Лыков продолжил изучать «сигнал»:

– «Вашему высокоородию Петру Яковлевичу заявление мое скажите почему именно распущено выбытие из тюрьмы как вы сами знаете что он принадлежит к димистративному порядком выслан в сергач известной вор Крутов должен быть известен увас по карте ежели вы не верите мне то поверте судебному Следователю он проживает по дням в билияртной у алексихи и у Анифимова Ваше высокородие прошу принять меры и выпроводить евтих людей из городу вон. Досвидания».

Евецкий пояснил:

– Мы навели справку. Крутов действительно вор, темный человек. Административно выслан в Сергач, но там не проживает. Видимо, заявился к нам тайно. Насчет билиардной Алексихи и Анифимова пока данных нет. Я запросил Прозорова, обещает к вечеру что-нибудь разузнать.

Прозоров занимал должность пристава – заведующего сыскной частью управления полиции. Главный городской сыщик состоял в скромном чине коллежского регистратора – ниже некуда! Да и этот чин Владимир Алексеевич получил три года назад после шестнадцатилетней службы. Добросовестный, но заурядный человек, звезд с неба не хватает... С другой стороны, кто их хватает? Прозоров давно в полиции, в сыщики перешел с должности пристава Рождественской части, дело знает.

– Вор тайно проник сюда, а у нас государь завтра, – констатировал надворный советник. – Ну что ж! Навряд ли он бросится на августейших особ, но отыскать стервеца надо. Знает ведь, что не нужен тут в царский приезд! Вот дерзкий народ...

– Вечером на совещании у губернатора сыскные что-то нам уже скажут, – успокоил Алексея полковник. – А не скажут пожалуемся Яковлеву. Он потачки не даст!

Яковлев, как и фон Таубе, был не полноценный полицмейстер, а всего лишь исправляющий должность. Видимо, вопрос о его соответствии будут решать осенью, когда закончатся и выставка, и ярмарка. Формуляр Петра Яковлевича Алексей тоже читал. Командирован в полицмейстеры из чиновников особых поручений при губернаторе. Имеет аннинский темляк за дела с турками при овладении Трояновским перевалом. Два года назад получил Владимира 4-й степени, год назад произведен в коллежские советники. Только в мае он сменил князя Волконского, пошедшего в полицианты в погоне за длинным рублем. Должность нижегородского полицмейстера хорошо оплачивается: оклад жалования три тысячи рублей! Вот князь и соблазнился. Службы при этом его сиятельство совсем не знал. Когда губернатор понял, что визит государя князь провалит, его срочно заменили исполнителем и способным Яковлевым.

⁸ В XIX в. писали и говорили, «заведывающий». – *Примеч. авт.*

Алексей поговорил с полковником еще об одном деле. По правде, оно беспокоило сыщика больше, чем приезд сергачского вора. Завтра и во все дни пребывания в Нижнем Новгороде императора будет оберегать в числе прочих и так называемая добровольная охрана. Это заведено в России. Помимо разных полиций, обязательно в таких случаях привлекают и надежных людей из народа. Государю приятно, а властям помощь! Вот и здесь Евецкий по поручению губернатора собрал аж полторы тысячи человек. Все богобоязненные, монархисты и в дурном не замечены. Преимущественно это члены Свято-Георгиевского общества хоругвеносцев и надежные цеховые. Своих людей представили мещанская и ремесленная управы, а также общество вспомоществования частному служебному труду. Степенные бородатые мужики встанут на всех улицах, отсекая от царя со свитой беснующую толпу. В принципе нужное дело... Вот только на второй день «невры» у таких охранников уже не выдерживают, и они идут вечером в кабаки. Правда, с 28 мая, с открытия выставки и ярмарки, все питейные заведения закрыли. И не только в Нижнем Новгороде, но и в ближайшей округе: в Молитовке, Гордеевке, слободах Катызы, Печеры и Кошелевка, а также в пригородных селах Высоково и Кузнечиха. Но русский человек всегда найдет, где выпить – на это есть шланбой⁹. И утром со злого похмелья добровольные охранители начинают превышать власть: гонять обывателей, спорить с околоточными...

Возникают скандалы. Хорошо бы избежать подобных приключений.

Евецкий согласился, что такая опасность имеется. Он велел срочно вызвать руководителей от народа. Явились двое: мещанский староста Лебедев и старшина общества хоругвеносцев Ионов. Надворный советник завел с ними разговор об их людях и сразу увидел беспорядок. Лебедев, спокойный и умный человек, отвечал обстоятельно и толково. Отряд его разбит на десятки, во главе которых поставлены исключительно непьющие и хозяйственные мужики. За них он дал полную гарантию. А вот Ионов начал разговор с сыщиком через губу. Ты-де чиновник, караулишь царя за оклад жалования, а мы всей душой, и нас же еще и учить? Лыков рассердился.

– Слушай меня внимательно, дурак! – сказал он жестко. – Я две коронации провел и на таких уже наглядился. Все вы одинаковы. Павел Николаевич, они подписку дали?

– Нет, – растерянно ответил заведывающий охранным отделением. – Какую подписку?

– Что несут полную ответственность за отобранных ими людей, вплоть до уголовной.

– А...

– Берите перо и пишите.

Полковник безропотно взялся за перо и написал под диктовку Лыкова короткое обязательство, согласно которому староста и старшина отвечали головой за поведение своих людей из числа добровольной охраны, с чем они ознакомлены под роспись...

Алексей заставил Лебедева с Ионовым подписаться, а главному хоругвеносцу сказал:

– В мае в Москве такой же со мной спорил. Как и ты, жалованием попрекал... На третий день его людишки в лавке подрались, хотели там табаку взять на дармовщину. Поскольку царя охраняют. Знаешь, чем кончилось?

– Чем? – набычился Ионов.

– Всем остальным медаль вышла, а ему снятие с должности старшины и высылка из Москвы. Понял теперь?

– Ну...

– Дома на печи будешь нукать. А с начальником царской охраны не смей! Чтобы завтра мне в рот смотрел! Все по команде! И глаз со своих добровольцев не спускал, день и ночь! Помнишь, как умные старики говорили? «Жалует царь, да не жалует псарь!» По отъезде Его

⁹ Шланбой – место с подпольной продажей напитков.

Величества я сообщу свое мнение о тебе господину министру внутренних дел, и он решит, оставаться ли такому дурню в старшинах... Марш отсюда!

Напугав хоругвеносца, сыщик отправился дальше по делам. Два часа они с помощником полицмейстера Гураком в очередной раз изучали все возможные маршруты царя и свиты. Захочет ли государь прокатиться на трамвае? Если да, то наготове должен быть вагон с самым опытным машинистом. Купцы Железного ряда приготовили августейшей чете дорогой подарок. Где его станут вручать? Не окажется ли там посторонних под видом рабочих? На третий день предусмотрено посещение пароходов фирмы «Андрея Орехова сыновья». Нет ли в их командах подозрительных новичков? Государь проследует в здание Дворянского собрания на Покровке и, стало быть, будет проезжать по главной улице. Домовладельцы дали обязательство за своих жильцов и представили их списки в полицию. За это им разрешено открывать окна и смотреть сверху на кортеж. Не появились ли изменения в этих списках, с непроверенными постояльцами? Ведь сто тысяч приехало... Город лопадется!

К вечеру и Лыков, и Валевачев уже порядком подустали. А самая нервоотрепка даже еще не начиналась! Под ложечкой у надворного советника мутило, и разболелась голова. Так всегда случалось перед коронацией, он уже привык. Но там счет шел на недели, а тут всего четыре дня! Завтра все будет нормально. И сил хватит, и внимание не ослабнет. Надо дотерпеть. 20 июля в 12 часов 45 минут царский поезд отчалит от дебаркадера Московского вокзала. Через час с четвертью уедет и свитский состав, с министром внутренних дел и директором Департамента полиции, и наступит опустошение, смешанное с усталостью.

Алексей уже решил, куда он отправится с вокзала. На горе возле сада Смирнова предприимчивый француз Сервье выстроил шикарный ресторан «Восточный базар» с гостиницей. Туда легко подняться по Похвалихинскому фуникулеру. Вид с открытой площадки ресторана такой, что захватывает дух! Ярмарка, Стрелка, Заволжье как на ладони. И кухня неплохая. Там-то они с Юрием отдохнут, закусят – и разъедутся. Валевачев – в Петербург, в родной департамент, а Лыков – в Нефедьевку, к семье. Месяц отпуска Зволянский ему обещал, если все с царским приездом закончится благополучно.

Перед совещанием у губернатора сыщик навестил своих людей. Пять мужчин неброского вида, крепко сложенных и очень спокойных. Все они числились не в служительской команде департамента, а за его штатом, как чиновники для письма. Это было сделано с целью повысить столь ценным кадрам оклад содержания. Сказать по правде, на Фонтанке, 16, полно дармоедов. Чуть не двести человек состоят по вольному найму, и все – чиновники для письма. Иначе делопроизводства не справятся с огромным объемом работы. Но эти пятеро писем не писали, они охраняли избранных особ. Негласная охрана вещь дорогая, и по закону она мало кому полагалась. Даже директор Департамента полиции ходил по улицам как простой обыватель. Чины Летучего отряда караулили важных свидетелей по политическим делам. Где свидетелей старались убить до суда... Они же проводили самые опасные задержания. Дворцовая полиция смотрела на отряд, как на свой резерв. В особых случаях, как коронация или августейший визит, «летучие» стерегли самого государя. Их отличали не сила или навык стрелять без промаха. Полная выдержка, быстрота мыслительной реакции, умение из всех решений найти самое верное. Калиброванный народ! Федор Громеко служил в Томашевской бригаде пограничной стражи, дважды ранен контрабандистами. Фирс Бебнев пришел из конвойных войск: шесть лет ловил беглых в Забайкалье, всякого насмотрелся. Игнатий Игнатьев бывший инструктор стрелково-фехтовальной школы лейб-гвардии Кексгольмского полка. И все – очень уравновешенные люди. Именно по этому главному признаку их и отбирали.

«Летучие» нашлись в биллиардной при гостинице Филимонова, что в Рождественском пассаже. Они гоняли шары по маленькой и пили чай. Начальника встретили смеш-

ками: когда-де разрешит перейти на пиво? Лыков очень любил своих людей, ему всегда было хорошо среди «летучих». Он посидел с подчиненными, проиграл пять копеек Ефиму Сорвачеву (контужен в голову абреком на Кавказе). Жаль, нет теперь с ними Ивана Серебрянского...

В шесть пополудни в кабинете губернатора в Главном доме началось последнее совещание. Собрались все, кто имел отношение к предстоящему приему государя. Кроме самого Баранова присутствовали генерал-майор Есипов и действительный статский советник Харлампович. От военных – начальник Нижегородского гарнизона, командир 54-й резервной бригады генерал-майор Шелковников и комендант города полковник Рудницкий. Особняком устроились все три полицмейстера: города, выставки и Заречной части. К Таубе, игнорируя военных, подсел комендант выставки подполковник Станкевич из Окского батальона. За спиной полковника Евецкого пристроились «представители народа» и вели себя тише воды ниже травы. А возле окна расположились многочисленные гости.

Есипов доложил о силах, собранных для обеспечения безопасности государя. Мобилизована вся нижегородская полиция: 92 околоточных и 840 городских. Наготове сотня казаков 1-го Оренбургского полка – 135 сабель при 5 офицерах. Нижегородская речная полиция выставила 9 надзирателей и 91 нижний чин. Охранное отделение выведет на улицы 47 околоточных, 4 городских и 43 агента. Добровольная охрана поставит полторы тысячи богобоязненных мужиков.

В дополнение к ним прибыли люди из Петербурга, Москвы и Варшавы. Столица сочла возможным прислать в Нижний Новгород 15 околоточных надзирателей и 200 городских. Москва – 10 околоточных при 150 городских. Варшава предоставила 4 околоточных и 50 городских. Все эти люди завтра станут в оцепления бок о бок с людьми Яковлева и Таубе.

Но этого губернатору показалось мало. Он поднял Шелковникова и потребовал доложить, что сделали военные. Генерал-майор зачитал свой приказ по гарнизону. Согласно Правилам о порядке призыва войск для содействия гражданским властям, на помощь полиции завтра придут 237-й Кремлевский резервный батальон и Нижегородская пароходно-конвойная команда. Это еще почти 600 штыков! Баранов был удовлетворен таким ответом. Он бросил взгляд на Лыкова и коротко спросил:

- А вы и ваши люди?
- Готовы, ваше превосходительство.
- Что с секторами?
- Все сделано.

Учитывая размеры выставки и непредсказуемость царских маршрутов, весь бутафорский городок разбили на пять секторов. В каждом из них под командой опытного околоточного надзирателя была учреждена особая подвижная группа. Люди эти станут помогать «летучим» охранять государя.

- Хорошо. Вы уж не подведите!

Затем начались вопросы к наружной полиции. Все понимали, что отвечать за порядок будет один Яковлев. Сколько бы народу ни нагнали ему в помощь... Коллежский советник отвечал обстоятельно и веско. Разве что свою окладистую бороду он теребил чаще обычного. У Лыкова создалось впечатление, что полицмейстер на своем месте. И с августейшим визитом справится.

Немного поважничали чины столичного градоначальства. Они требовали от Яковлева каких-то карт развода, ссылались на свой огромный опыт... Алексей уже хотел заступиться за земляка, но это не понадобилось. Тот сам отшил петербуржцев. Петр Яковлевич заявил:

– Опыта и у нас хватает. Вы просто выполняйте мои приказания, и чтоб без самостоятельности!

И градоначальство сразу притихло.

Уже в сумерках Лыков пришел к себе в номер и быстро уснул.

Глава 2

Возле государя

17 июля в 10 часов 45 минут императорский поезд подошел к дебаркадеру Московского вокзала. Погода была хорошая, в ясном воздухе густо звенели колокола заречных храмов. Начальник губернии представил государю своих ближайших сотрудников, следом доложил начальник гарнизона. После этого гости расселись в экипажи, и бесконечно длинная вереница покатила на гору. Ярмарка и городские улицы были украшены флагами, живыми цветами, вензельными обозначениями царской фамилии, а плашкоутный мост – триумфальными воротами. Через Зелинский съезд и Благовещенскую площадь августейшие гости проехали к Спасо-Преображенскому кафедральному собору. Там на крыльце их встречали два епископа и четыре архимандрита. Епископ нижегородский и арзамасский Владимир сказал приветственную речь и вручил иконы: государю – Спасителя, а государыне – Владимирской Божьей Матери. Вместе с Их Величествами прибыл и великий князь Алексей Александрович; этому иконы не досталось...

Приложившись к образам и поклонившись праху Козьмы Минина, августейшая чета ненадолго разделилась. Царица отбыла в дом губернатора, который на время торжеств стал дворцом (второй этаж дома числился за Министерством Двора). А царь принял с паперти собора почетный караул 239-го Окского резервного батальона. После этого он отправился к супруге, и над дворцом на все четыре дня взвился императорский штандарт.

Позавтракав с губернатором, царская чета начала приемы депутатий. Всего их приняли семь: от именитых граждан, от городского управления, соединенную депутацию ярмарочного и биржевого комитетов, губернское и уездное земства, а также представителей сословий Нижнего Новгорода и Балахны. Городской голова барон Дельвиг представил думу в полном составе. Все дарили государю хлеб-соль на серебряных блюдах, блюда складывали в штабель... Затем настало время ехать на выставку, но разразился сильный ливень с градом, какого никто не ожидал. Пришлось задержаться. За это время губернский предводитель дворянства гофмейстер Приклонский успел о чем-то пошептать с государем, к большому недовольству Баранова.

Наконец тучи рассеялись, и гости покатили на «всероссийскую витрину». Тут только началась настоящая служба для Лыкова и его людей. Карета с царственными особами остановилась перед главным входом в центральное здание. Там гостей приветствовали Витте и Тимирязев. После короткой речи царская чета с великим князем зашли внутрь. Как и предполагал Алексей, они сразу наткнулись там на мануфактуристов, денежных тузов. Савва Морозов не пустил гостей в другие отелы, лично показывая им льняные и шерстяные ткани, парчу и другой красный товар.

Лыков в парадном мундире и при всех орденах шел впереди царя. Слева, где пройма для шпаги, клинка у него не было. Пройма была незаметно расширена. Внизу на брючном ремне висела кобура со срезанным верхом, в которой помещался сыскной «смит-вессон» с укороченным стволом. Такая же пройма была и на правом боку, там скрывался «веблей». Как человеку партикулярному, Лыкову полагалось состоять при особе государя без головного убора. Но тогда им пришлось бы занять одну руку, а телохранителю так нельзя. Поэтому в нарушение всех правил надворный советник был в треуголке. Но никто этого не замечал, как не замечали отсутствия шпаги и оттопыренные бока. Оно и к лучшему! Все смотрели только на государя, некоторые – на его супругу, и никто – на Алексея. Он же все доглядывал и расчищал путь. Слева и чуть сзади него, одетый в придворную ливрею, шел Игнатьев. Справа находился Громеко, наряженный околоточным надзирателем. Остальные «летучие» прикрывали государя сзади.

В отделе у Морозова дисциплина оказалась военная. Владельцы витрин молча ждали команды от управляющего отделом. Никто не суеился и не лез вперед. Благодать для охраны – везде бы так! Но дальше мануфактуры венценосные особы не пошли и скоро двинулись на вход. Тут-то Лыков отловил первого шильника, пытавшегося вручить государю прошение. Потом таких ловкачей накопилось более десятка. Никому из них не позволили приблизиться к особе Его Величества.

Пока гости ходили по центральному зданию, погода совсем наладилась. И царь с царицей пересели в коляску с открытым верхом. Они навестили павильон Художественного отдела, где осмотрели все от начала до конца. Даже финляндских живописцев удостоили! Лыков краем глаза увидел, как государь пялится на выступающие формы «Русалки». Тоже человек... После передвижников и академиков заглянули в два отдельных павильона: к «Минину» работы Маковского, и в панораму Рубо. От них пешком дошли до корпуса Крайнего Севера. Там, как и предполагал надворный советник, государыня долго простояла перед дрессированным тюленем. На этом первое посещение выставки закончилось. В двадцать минут седьмого пополудни гости вернулись в кремль.

Больше всего хлопот Лыкову доставили так называемые рынды. Они столпились у входа в центральное здание и путались у сыщика под ногами. Всех рынд было 27 человек – дети именитого купечества: 17 москвичей и 10 нижегородцев. Одеты в стилизованные средневековые костюмы, с секирами на плече, парни смотрелись живописно, спору нет. Но надоели.

Перед отъездом Алексей увидел, как миллионщик Бугров что-то зло выговаривал Витте. А тот, хотя и был министром, согласно кивал с виноватой grimасой. Не иначе главный богач Нижнего требовал, чтобы царь заглянул и к мукомолам. Бугров принадлежал к старообрядцам, приемлющим тайное священство. Шестнадцать лет назад Лыков упрашивал Николая Александровича помочь спасти императора, а тот отнекивался...¹⁰ Сейчас тот государь-грешник давно в могиле, и даже сын его скончался. Лыков заматерел, вышел в штаб-офицерские чины. А Бугров не изменился, лишь стал еще солидней. В мае тот же Витте вручил ему Анну второй степени – редчайшая среди купечества награда! Не иначе мукомол добьется своего. Значит, завтра надо готовиться к походу царя в Фабрично-заводской отдел.

По возвращении гостей во дворец служба «летучих» на сегодня закончилась. Царская чета больше никуда не выходила. В половине девятого вечера, как начало темнеть, на Волге устроили иллюминацию. Против балкона дворца разыгралось настоящее сражение между тремя кораблями. Ракеты разрывались в воздухе, давая фонтаны разноцветных огней. Над водой стояла пальба. Наконец баркас «Минин», принадлежащий речной полиции, пустил во вражеское судно торпеду и «потопил» его. Огни на судне один за другим погасли, оно как бы пошло ко дну. Зрелище вышло очень красивое и для провинции невиданное. Весь берег был усыпан гуляющим народом, улицы сияли огнями, у всех было приподнятое настроение, играли духовые оркестры. Особенно красиво были иллюминированы Дмитровская башня кремля, арка на Гребневских песках, плашкоутный мост и корабль «Красноводск».

Начало второго дня было отдано военным. На плацу перед кафедральным собором государь произвел смотр 54-й резервной бригаде. По периметру плаца стояли другие части гарнизона, а также кадеты Нижегородского Аракчеевского корпуса. Государь вышел на смотр вместе с великим князем Алексеем Александровичем, министром Двора Воронцовым и военным министром Ванновским. Его Величество пропустил бригаду дважды: сначала поротно, а потом отделениями. В это время на подъезд дворца вышла государыня и издали наблюдала церемониал. В двенадцатом часу состоялся Высочайший завтрак, к кото-

¹⁰ См. книгу «Охота на царя».

рому были приглашены начальники участвовавших в параде частей. Их дополнили генералы и вообще местное военное руководство. Лыков и его люди отдыхали в Мининском саду.

Их час пробил в два пополудни. Августейшая чета отправилась в Дворянское собрание. Путь туда шел по Большой Покровской улице, и нервы у Алексея были напряжены. Еще знаменитый Орсини в далеком 1858 году первым догадался покушаться на венценосных особ посредством бомбометания. Раньше злоумышленники использовали кинжал или пистолет. А это полбеда! Защитить охраняемую особу от бомбиста намного сложнее, да и поражающая сила нынешних бомб огромна. Вот и деду нынешнего государя оторвало ногу «гремучим студнем». Поэтому Алексей не спускал глаз с окон, под которыми проходил кортеж. Его помощники следили за людьми на тротуарах. Спина у сыщика взмокла. Однако все обошлось...

В вестибюле Дворянского собрания царя встречали министры и Приклонский. Гофмейстер сказал речь, а три старейших уездных предводителя поднесли высокому гостю хлеб-соль на роскошном блюде византийского стиля. Потом августейшая чета поднялась наверх, где в большом зале ее приветствовали дворяне со своими семействами. Опять вручили иконы: святителя Николая – государю, и святой царицы Александры – государыне. В третьем часу гости поехали на Крестовоздвиженскую площадь, во Вдовий дом имени Бугрова. Их там встречал сам миллионщик, и удостоился очень любезных слов. Из Вдовьего дома кортеж опять повернул на выставку.

На этот раз царская чета уделила экспозиции почти три часа. Начали со Средне-Азиатского павильона, и капитан Скобеев был счастлив: он впервые увидел государя... Правда, оркестр туземных музыкантов Его Величество не заинтересовал, ну да ладно. Зато в трех шагах прошел и ласково кивнул!

Затем гости осмотрели оба здания Машинного отдела. Все находящиеся там двигатели были приведены в действие. Царь заинтересовался испытательной станцией, и при нем были произведены некоторые опыты. Затем Их Величества посетили Сибирский отдел, из которого проследовали в Строительно-Инженерный. Князь Хилков, конечно, не упустил случая показать им свои любимые паровозы. Через корпус Общества спасания на водах (вот чего Лыков никак не ожидал!) кортеж попал в домики Отдела морского и речного торгового судоходства. Следующим удостоился высшей чести павильон Волжско-Каспийского судоходства. Оттуда державные гости вернулись в центральное здание, после чего осмотрели Фабрично-заводской отдел. Тут государю подсунули русский бензиномотор, но он не заинтересовался: вежливо поглазел три минуты и двинулся дальше. Намного больше ему понравилось в павильоне князя Голицина. Там Его Величество испробовал крымского шампанского и одобрил его.

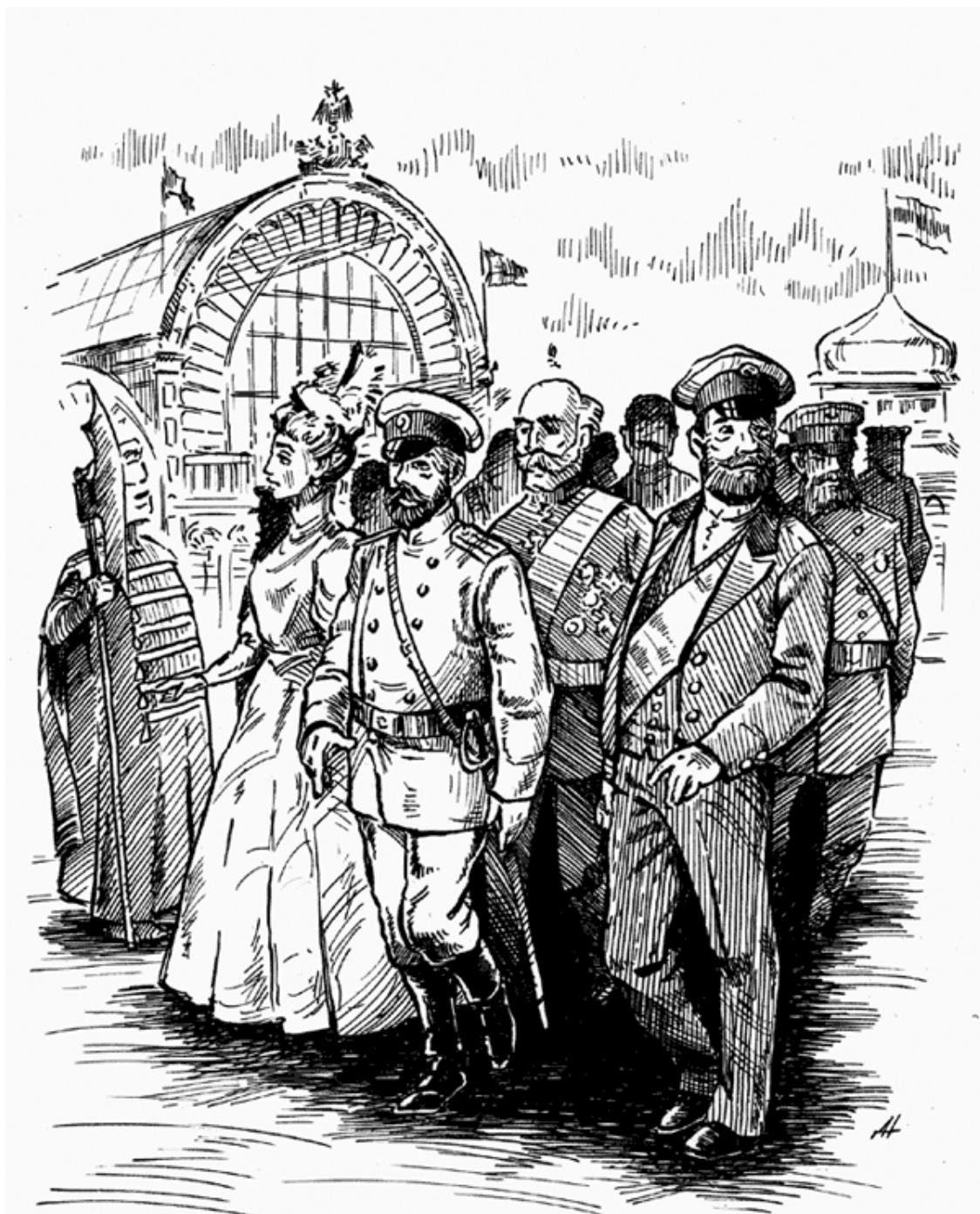
Утомившись, августейшая чета на экипажах приехала в Царский павильон. Там они немного отдохнули, а под окнами в это время хор Славянского исполнил несколько песен. Лыков тоже воспользовался передышкой и прилег на свой диван. Он очень устал. Сыщик отловил еще двух просителей, а в проходе между машинными корпусами успел оттолкнуть в сторону студента со свертком подмышкой. Тот подозрительно настойчиво пытался подойти ближе к кортежу. Государь, к счастью, ничего не заметил. Фирс Бебнев отвел студента в выставочное полицейское управление и обыскал. Затем вернулся и доложил, что в свертке были баранки... И обиженный студент написал жалобу на имя полицмейстера по случаю грубого обращения. Черт с ним, с кретином! Нашел куда лезть со своими баранками!

После получасового отдыха царь с царицей проследовали в павильон дворцового ведомства, полюбовались там самоцветами и уехали наконец в кремль.

Служба Лыкова на этом не кончилась. В семь вечера в губернаторском дворце состоялся парадный обед для высших военных и гражданских чинов. После него царская чета

посетила новый городской театр. Смешанная труппа частной русской оперы и Императорского московского Малого театра дала представление. Сначала спели гимн, затем исполнили комедию «Акростих» (не смешную). Следом пустили по одному акту из «Риголетто» и «Снегурочки», а завершили все сценой из «Леса» Островского. Внутри театра за безопасность государя отвечала Дворцовая полиция, и Алексей просидел все представление в буфете. Вот на улице наступала его ответственность! Время сумерек – самое опасное. Народу полно, полиция едва справляется с толпами зевак. Подобраться и кинуть из задних рядов метательный снаряд ничего не стоит. Поэтому «летучие» вышли за оцепление и смотрели издали – не на государя, а на публику. Как и ожидал Алексей, мужики из добровольной охраны уже устали бдеть, и многие напились. Они командовали в толпе, грубо толкали публику и дерзили полиции. Лыков подозвал старшин и велел им убрать буянов. Трудный день завершился в целом благополучно.

19-го июля в 10 утра Их Величества приехали в Дом трудолюбия имени Любви и Михаила Рукавишниковых, что на Варварке. Пробыли там недолго и опять отправились на выставку. Три часа высокие гости внимательно разглядывали отдел за отделом. Наконец им потребовался отдых, и они прокатились-таки на электрической железной дороге! Опытный вожатый не подвел и благополучно доставил пассажиров в Царский павильон. Лыков стоял на подножке и своими ушами слышал, как императрица благодарила Подобедова за отсутствие у его трамваев воздушных проводов. Тот был счастлив.

В Царском доме состоялся завтрак, к которому был приглашен и надворный советник. Николай удостоил его короткого разговора, вспомнив, что Лыков на коронации в Москве состоял в его личной охране. А на концерте у германского посланника даже командовал этой охраной! Память у молодого государя действительно была отменная.

После завтрака осмотр выставки продолжился. К вечеру были изучены все до единого отделы – Их Величества не обидели никого. Завершился обход в Военном и Морском отделах. На глазах у августейшей четы поручики Нат и Боресков сели в воздушный шар, отвязали его и отправились в свободный полет вдоль Оки. В шесть пополудни высокие гости покинули выставку.

Теперь наступило время выказать уважение и ярмарке. В Главном доме состоялся большой прием от купечества. Роскошь его превзошла все ожидания. Нижний пассаж был пре-

вращен в одну огромную залу. Сверху, из Гербового зала, в него спускалась новая парадная лестница. Она была сделана в древнерусском стиле, с витыми колоннами и бархатными, перевитыми золотым позументом, капителями. Над ней укрепили огромное изображение двуглавого орла, старинное, времен Алексея Михайловича, чудом сохранившееся в московских архивах. По ступеням чудо-лестницы вновь выстроились рынды с секирами. Говорили, что костюм одного из них стоит тридцать тысяч! Всюду по дорогой материи вились гирлянды зелени, красовались стяги, горели огромные электрические люстры, подсвеченные матовыми лампами... Гербы, драпировка цветов царского штандарта, китайские фонарики всех размеров, бесценные ковры – даже на коронации в Москве не было такого убранства.

Царский подъезд в Главном доме был устроен отдельно и вел сразу в Гербовый зал. Там подготовили особый уголок, отделенный пологом. В нем – тропический сад с роскошно накрытым буфетом и некое подобие трона. Губернатор отдал свои комнаты для личных покоев царской четы. В них были устроены общая приемная в стиле ампир и две кабинет-гостиные Их Величеств с отдельными уборными. Опять цветы, зеркала, изящная мебель в японском стиле и еще один буфетный столик с закусками.

Государь, государыня и великий князь Алексей Александрович были встречены на подъезде Саввой Морозовым во главе ярмарочного комитета, а в Гербовом зале – министром финансов. Были представлены: царю – некоторые из наиболее выдающихся купцов, а царице – городские дамы. По витой лестнице гости спустились в Пассаж и обошли ряды купечества. Потом опять поднялись наверх и еще полчаса милостиво разговаривали с избранными в Гербовом зале. Тут между торгово-промышленными людьми странным образом оказались и некоторые дворяне, пропущенные все тем же Приклонским. Лыков стоял в углу и наблюдал, как решаются дела. Потные, красные от напряжения, люди что-то говорили государю и совали бумаги. Он терпеливо выслушивал, а прошения передавал министру Двора.

Закончив с купечеством, высокие гости уехали в кремль, и служба «летучих» на этом закончилась. День дался Алексею трудно: усталость начала накапливаться. Сыщику пришлось спуститься в подвал, где у Ахапкина валялись всякие железяки, и потягать восьмипудовый вал от локомотива. После этого весь отряд, включая Валевачева, отправился в Центральные бани. Лучшая в городе купальня располагалась в доме Ермолаева, на углу Алексеевской улицы и Чернопрудского переулка. Отдохнув и выпив по кружке пива, «летучие» вернулись в гостиницу. Там выяснилось, что Лыкова давно разыскивает директор Департамента полиции Зволянский. Чертыхнувшись, сыщик отправился в номер начальника.

– Что случилось, Сергей Эрастович?

– Ты где был?

– В бане грелся со своими. Устал ведь...

– Надо было коридорному сказать!

– А я сказал. Так в чем дело-то?

Действительный статский советник был чем-то раздражен. Тоже, видать, устал от этой нервотрепки. Один на один они с Лыковым были на ты.

– Ко мне подошел Баранов и попросил оставить тебя здесь после отъезда Их Величеств.

– Это еще зачем?

– У них вчера городского убили.

Лыков помолчал, обдумывая новость. Смерть городского – чрезвычайное происшествие. Особенно когда в городе государь. Но он завтра уедет!

– Сергей Эрастыч, но у них же своя сыскная полиция есть! Вот пусть она и старается. А мне ты, между прочим, отпуск обещал. Помнишь?

– Помню. Я оттого и отказал Баранову. Он пошел к Ивану Логгиновичу¹¹.

– А тот что?

– Посоветовался со мной. Я высказал те же соображения: нас это не касается. Отбудет государь, все успокоится, пусть тогда и ищут убийцу.

– Вот молодец!

Зволянский лишь вздохнул:

– Баранов просто так не отступит. Он напирал на то, что ты нижегородец и должен, стало быть, помочь своим землякам. Еще какую-то там анонимку полиция получила...

– Да видел я эту анонимку! – рассердился сыщик. – Детский лепет! Приехал сюда вор из Сергача – тоже нашли событие!

– Нет, там что-то другое. Беглые каторжники, три человека, тайно поселились в городе.

– Беглые каторжники? – присвистнул Алексей. – М-да... Их нам тут только не хватало.

Но ведь осталось всего ничего! Завтра в полдень Их Величества сядут в поезд и уедут.

– Ты вот что, Алексей Николаич. Горемыкин уже отказал губернатору. Авось оно и обойдется. Но того... держись подальше от начальника губернии.

На том они расстались. Лыков был раздосадован. Легко сказать: держись подальше. А как? Баранов всегда возле государя. И сыщик тоже должен быть там же. Как ни старайся, а часто они стоят бок о бок. Ну, даст бог, пронесет... Сейчас генерал-лейтенанту не до мелочей, ему бы Их Величествам угодить. По должности он обязан будет сесть в царский поезд и проводить высоких гостей до пределов своей губернии. А когда вернется в Нижний, там уже не будет ни Горемыкина, ни Зволянского – они уедут свитским составом. Тогда Лыкову никто не указ!

Последний день пребывания в Нижнем Новгороде царская чета начала с посещения Песков. Это такой большой остров на Оке, входящий в ярмарочную территорию. Правят на нем торговцы железом, поэтому они и стали принимающей стороной. Эскорт въехал на Пески по Крестовоздвиженскому мосту, что возле народной столовой и чайной. Специально для царя на острове выстроили арку-шатер оригинальной формы. Она была украшена сортовым и листовым железом, литой чугунной посудой, различными трубами и арматурой. Крышу венчала императорская корона, выкованная здешними кузнецами. У входа в арку красовались две посеребренные фигуры гномов. В одной руке они держали эмблему горного дела – кирку, а в другой – эмблему торговли, жезл Меркурия. Говорили, что лица гномов были сняты с князей Абамелеков, главных здешних заправил. Действительно, в профилях статуй проглядывало что-то армянское...

Справа от арки устроили помост, на котором расположились продавцы железа и члены их семейств. Далее деревянный тротуар вел вдоль всей линии торговых балаганов.

При выходе Их Величеств из коляски депутация от Сибирского ряда удостоилась чести поднести им невиданные подарки. Царю досталось серебряное блюдо весьма тонкой работы, вручил его Абамелек-Лазарев. На блюде – исполненная эмалью картина: Пески с железным караваном у берега, а вдали городской пейзаж. А царице другой крупный торговец, Волков, вручил золотую корзиночку с золотыми же цветами. Они представляли собой букет ландышей, где бутоны сделаны из жемчуга, листья – из уральского нефрита, а стебли покрыты бриллиантовой росой. Подарок удивительно тонкой работы исполнил придворный ювелир Фаберже. Царская чета осталась весьма довольна.

¹¹ Министру внутренних дел И. Л. Горемыкину.

После недолгого пребывания в шатре державные гости сели в коляску. Кorteж поехал вдоль железного ряда к рыбному (это вторые главные торговцы на Песках), а оттуда – к пристани торгового дома «Андрея Орехова сыновья».

Рыбные пристани были убраны еще роскошнее, чем железный ряд. А на корабли специально устроили сорокасаженной длины мостки, застеленные красным сукном и украшенные флагами. Вход же отмечал двуглавый орел, сделанный из сухой рыбы: судаков, сазанов и лещей. Опять царю вручили серебряное блюдо работы того же Фаберже, на этот раз от рыботорговцев Гребневской пристани. Гости осмотрели две счаленные баржи, на которых продавалась в огромных количествах сушеная рыба. Наконец, взошли на пароход «Императрица Александра», где лоцман вручил от лица команды третье блюдо, на этот раз деревянное. Но на пароходе царь с царицей никуда не поплыли, а осмотрели еще один, «Великая княжна Ольга Николаевна». Для катания по Волге был приготовлен третий пароход, «Князь Юрий», принадлежащий речной полиции. Перед его сходами монархам представились ученики Кулибинского ремесленного училища во главе с председателем совета Яковом Башкировым. Тут государю досталось чугунное пресс-папье в виде наковальни, с молотом и клещами... Даже Лыков устал от бесконечных речей и подношений; что же чувствовал государь?

Однако визит неуклонно близился к завершению. Царская чета с губернатором и свитой села на «Князя Юрия» и поплыла вниз по Оке. Обогнув Стрелку, корабль свернул в Волгу и высадил пассажиров на Сибирской пристани. Оттуда коляска быстро доставила Их Величества на вокзал. Там уже ждали все министры, неизбежные рынды – и кадеты Аракчеевского корпуса. «Ура!» не смолкало ни на минуту. В Царских комнатах августейшие визитеры приняли последние подарки – букеты живых цветов из роз и орхидей. На перроне царь милостиво поговорил с присутствующими и поблагодарил дворян, городского голову и купечество за оказанный прием. Пройдя сквозь шеренгу рынд, он ответил на их приветствие, затем простился с кадетами и по голубому трапу вошел в вагон.

Уф... В 12 часов 45 минут, точно по расписанию, высочайший поезд отбыл от платформы.

Лыков стоял в шеренге провожающих и с трудом сдерживал радость. Отстрелялся! Все утро он, как мог, прятался от Баранова. Сыщику казалось, что тот смотрит на него не без значения. Но генерал-лейтенанту было не до надворного советника, и хорошо...

Когда царь отбыл, всем на вокзале сразу сделалось легче. Нижегородцы ринулись в буфет, чины свиты с трудом находили себе там место. Лыков сел со Зволянским и сразу же выпил рюмку водки. Все прошло благополучно! Теперь можно и отдохнуть. Через час с небольшим уедет и начальство, тогда станет совсем славно.

Без пяти два Алексей стоял у вагона. Последние формальности, и можно отдыхать! Вдруг к Горемыкину подошел Витте и что-то ему сказал. Министр поискал глазами в толпе, нашел Лыкова и жестом подозвал к себе. Черт! Неужели...

– Слушаю, ваше высокопревосходительство!

– Господин министр финансов обеспокоен происшествием в городе. Вам надлежит остаться и разобраться в нем.

Алексей скосил глаза на Зволянского. Тот скорчил гримасу: а что я могу? Экая скотина Баранов: завербовал самого Витте! Горемыкин был наиболее способным из всех министров внутренних дел, каких знал Алексей. А сыщик помнил еще Макова! Человек по-настоящему государственного ума, Иван Логгинович являлся также опытным царедворцем. И уж конечно, не стал отказывать любимцу государя.

– Будет исполнено!

Витте пытливо взглянул сыщику прямо в глаза, довольно бесцеремонно.

– Государь уехал, но выставка осталась, – сказал он. – И продолжится еще до осени. Это демонстрация успехов страны! На ней не должно быть никаких пятен. Слышали, господин надворный советник? Никаких! Я надеюсь на ваш опыт. Рекомендации вам дали такие, что... Берите любые полномочия, подкрепите губернатора и выставочную полицию. Как нижегородец, помогите своим землякам. Желаю успеха.

Паровоз свистнул. Свитские полезли в вагон. А Лыков остался. Когда поезд исчез вдалеке, он сказал Валевачеву:

– Ну, пошли, что ли, и мы.

– Куда?

– В ресторан, напиться. Ты – с радости, а я – с горя. Вот ведь незадача!

Но пьянствовать в парадном мундире и при орденах было неудобно. Полицейские приехали в гостиницу, там переоделись и на том же извозчике отправились в «Восточный базар». Надворный советник сел у края веранды и крикнул:

– Человек! Водки, и много... Очень много!

Глава 3

Начало дознания

В 9 часов утра Лыков в виц-мундире явился к губернатору Баранову. Тот еще не переехал обратно в Главный дом и ночевал у себя во дворце, на третьем этаже.

Несмотря на угар последних дней, Баранов принял сыщика свежим и приветливым. Визит явно удался. И теперь генерал-лейтенант, поди, сочиняет реляции на своих помощников. Чувствуя вину за свой поступок, он начал с лести:

– Алексей Николаевич, не гневайтесь на меня, ради бога! Но кому, как не вам, раскрыть это дело? Не Прозорову же!

– А чем так плох Прозоров?

– Ну, право слово! Сравнили сокола с воробьем! А вы и город знаете, и вообще... Ученик самого Благово... Он бы одобрил, согласитесь!

Тут уж Алексей не нашелся, что сказать. Пожалуй, Павел Афанасьевич действительно одобрил бы помощь землякам. Хитрый Баранов задел правильную струну.

– Давайте, Николай Михайлович, начнем с анонимки. Я правильно понимаю, что вы увязываете ее с убийством городского?

– Увязываю, Алексей Николаевич. Не так велик Нижний, чтобы быть в нем двум отчаянным преступникам! Вот читайте.

Губернатор протянул лист простой писчей бумаги, без водяных знаков или других подсказок. Там было написано:

«Его сиятельству господину начальнику Нижегородской губернии генерал-лейтенанту Флотскому герою победителю турецкого броненосца «Корвета» Николаю Михайловичу кавалеру Баранову.

Сим уведомляю Ваше сиятельство, что в подведомственный Вашему сиятельству город прибыли тайно и поселились под чужими именами три опасных беглых каторжных. Один есть знаменитый Разъезжалов, который зарезал маера Панютина год назад. А два других его сподручные Федька Банкин и неизвестный мне по имени злодей. Приметы злодея шрам над левой бровью и еще один на подбородке. Примите меры покудова не случилось беды.

Добрый Желатель».

– Разъезжалов? – нахмурился сыщик. – Да, сволочь известная. И явился к вам?

– Точно так. Я запросил ваш департамент телеграфом. Сбежал он из Нерчинска, еще по весне. И напарника с собой прихватил. А теперь нашелся здесь!

Разъезжалов был героем шумного судебного процесса. Два года назад в Москве он ограбил и убил отставного майора Панютина со всем его семейством. Преступники безжалостно убили жену, гувернантку и семилетнего сына хозяина. Самого Панютина жестоко пытали, выведывая, где деньги. Двухлетний убийца вызвал нездоровый интерес у публики. Образованный – окончил коммерческое училище, красивый; умел держать себя в обществе. И такой зверский поступок. Ребенка он задушил своими руками... Получив двадцать лет каторги, Разъезжалов, казалось, похоронен заживо. И вдруг побег. Нет, так это оставлять нельзя, решил Лыков. Не хватало нелюдю еще гулять по Нижнему Новгороду!

– Николай Михайлович! Я берусь за это дело. Дайте распоряжение, чтобы сыскающая полиция оказывала содействие. У них своих хлопот много, обрадуются, что переложили на столичного гостя... Но без помощи местных сил никакой Путилин ничего не сделает. А я далеко не Путилин...

– Распоряжение отдано еще вчера. Полицмейстер и начальник сыскного отделения ждут вас в Главном доме. Желаю успеха! И не дуйтесь на меня. Видите, что творится... Сам Разъезжалов! Хорошо, что Их Величества уже уехали.

Лыков отправился на ярмарку. Там, на втором этаже Главного дома, помещалась городская полиция. Она переезжала сюда из кремля каждый год на время торга. Алексей помнил еще старый Главный дом, с флигелями. Три года он, тогда молодой и неопытный, ходил сюда на службу. А теперь явился как столичный авторитет помогать здешним сыщикам...

Яковлев действительно ждал его и тут же вызвал Прозорова. Как всегда невозмутимый и основательный, он сообщил:

– В три часа я назначил совещание всех частей. Вам ведь не одни сыскные понадобятся?

– Именно так, Петр Яковлевич! Что сыскные? Восемь человек на весь город. Костяк полиции – околоточные, особенно в криминальных местах. И не временные, взятые на срок выставки с ярмаркой, а постоянные. Приставы тоже нужны, чтобы толкали околоточных. Так что понадобятся все.

Тут вошел начальник сыскного отделения и сразу заюлил:

– Как хорошо, Алексей Николаевич, что именно вас прислали нам в помощь!

Однако Яковлев цыкнул на подчиненного. Свою голову надо иметь! А помощь со стороны – знак слабости здешней полиции. Ладно губернатор, он специфики не знает, а приставу Прозорову не к лицу такие слова...

– Расскажите мне о жертве, – попросил Лыков. – Где пост этого городского? Как именно его убили?

– Городовой Второй кремлевской части знак номер триста двадцать три Яков Одежкин, он же Депутатов, – начал городской сыщик. – Запасной рядовой Первого неевского Его Величества короля эллинов пехотного полка. Из постоянного штата, пять лет в полиции, служил без замечаний. Пост у него был напротив Архиерейского дома...

Лыков кивнул. Когда он служил здесь, полиция тоже высылала туда человека, для порядка.

– ...Позавчера, сдав дежурство, Одежкин явился в часть. Был обычный. То есть совсем обычный, как всегда! В седьмом часу доложил помощнику пристава титулярному советнику Делекторскому и ушел домой. А утром сыскался его труп. Нашли в выгребе, во дворе дома Мохова, что на углу Сергиевской улицы и Плотничьего переулка.

– Это где трактир Чистякова? – перебил докладчика Алексей.

– Точно так.

– Одежкин заходил в трактир?

– Заходил. Выпил две рюмки водки прямо у стойки и удалился. Больше его живым не видели...

– Кто нашел тело?

– Дворник Егоров, в шесть часов поутру.

– Как убили городского? Ножом ткнули?

– Нет. Убили камнем.

– Камнем? – поразился Лыков. – Это что за способ такой?

– Сами удивляемся, Алексей Николаевич, – развел рукам Прозоров. – Ударили в висок, и готов! Необычно, да. Разве в пьяной драке так бывает.

– Камнем... Нашли его поблизости?

– Точно так, лежал возле ямы. Медико-полицейская экспертиза доказала, что им и били. Булыжник, простой булыжник.

– Во дворе были еще такие камни?

– Нет.

– Что же получается? – Надворный советник обратился к полицмейстеру. – Убийца принес бульжник с собой?

– Случай действительно дикий, – согласился Яковлев. – Или он ждал во дворе... Например, собирался ограбить дом. А тут городской случайно заглянул туда... по малой нужде, к примеру, и увидел преступника. Понял, что готовится злодейство, попытался задержать и получил по голове. Или того хуже: преступник выслеживал именно Одежкина. Шел за ним с камнем, улучил момент, напал сзади и ударил. Тело затащил во двор, когда разъяря дворник отлучился.

– Тогда выходит, что убийца знал городского и имел с ним счеты, – подхватил Прозоров.

– Что-нибудь пропало?

– Оружие, кошелек, часы на месте. Пропала только постовая книжка.

– Опять загадка, господа! Зачем убийце постовая книжка городского? Там же отметки о принятии и сдаче дежурства.

– Некоторые городские заносят в книжку происшествия, – предположил коллежский регистратор. – Это против правил, но иногда случается. У Одежкина вышел со злодеем конфликт. Он установил личность, записал для памяти в книжку. А тот затаил обиду, выпил для храбрости, начал выслеживать. Подловил в подворотне и убил. А книжку взял, чтобы его по той записи потом не нашли.

– Правдоподобная версия, Владимир Алексеевич, – одобрил Лыков. – Она объясняет пропажу документа. Иначе зачем? Деньги и оружие негодяй оставил, а это забрал. Думаю, так и было.

Прозоров чуть не зарделся от похвалы столичного сыщика. И продолжил рассуждать:

– Тогда надо искать свидетелей ссоры. Напротив Архиерейского дома всегда толкуются люди.

– Верно. Пусть сыскные надзиратели опросят завсегдатаев этих мест. Но, господа, согласитесь, что камень как орудие убийства настораживает.

– Чем же? – вскинулся полицмейстер.

– Губернатор связывает смерть городского с появлением на ярмарке беглых каторжников. «Не так велик Нижний, чтобы быть в нем двум отчаянным преступникам» – вот его слова. Кстати, господа, согласны ли вы с ними? В мое время на ярмарку собирался весь уголовный цвет! Одних беглых считали до сотни.

Из Москвы, Варшавы, Петербурга и Киева приезжали целые банды по двадцать человек. А тут трое, и кроме них некому больше зарезать?

Полицмейстер снисходительно улыбнулся:

– С тех пор много воды в Волге утекло. Город мы почистили. Даже на ярмарке прежних безобразий вы уже не найдете.

Лыков покосился на начальника сыского отделения, но тот промолчал.

– Ну пусть так... Хотя, признаться, не очень верится. Но я насчет орудия убийства. Для каторжных бульжник... По-дилетантски как-то. Неужели у них ножа в кармане не нашлось?

– А я вам отвечу! – веско заявил полицмейстер. – Согласен с его превосходительством, что их рук дело. Разъезжалова с ребятами. Казнить полицейского – чрезвычайное преступление, обычный пьяница никогда на такое не пойдет. А камнем они, чтобы сбить нас с толку. Мол, случайный человек согрешил, а мы ни при чем.

Это звучало убедительно. Выстраивалась непротиворечивая версия, и для начала дознания она вполне годилась.

– Значит, так, господа, – резюмировал Лыков. – Принимаем за основу вашу гипотезу. Городской Одежкин во время дежурства случайно столкнулся с кем-то из банды Разъез-

жалова. Возможно, был конфликт. Возможно, городской что-то записал в своей постовой книжке: фамилию или приметку. Преступникам не понравилось, и они решили его устранить. Среди бела дня сделать это не представлялось возможным, и они стали следить за беднягой. Довели до части, подождали... И убили на выходе из трактира Чистякова, когда уже стемнело. Так?

– Так, – согласились нижегородцы.

– Значит, ищем Разъезжалова.

Полицейстер с начальником сыскного отделения переглянулись. Прозоров откашлялся и спросил:

– С чего предполагаете начать?

– Вам, Владимир Алексеевич, понятно, с чего начинать: с мобилизации агентуры. Есть такая у сыскного отделения?

– Есть, – ответил коллежский регистратор. – Преимущественно это известные нам скупщики краденого. Их в Нижнем Новгороде пятьдесят два человека, и половина у нас на связи.

– Правильно! – прокомментировал Алексей. – Так еще Благово поставил. Значит, не утратили традицию?

– Не утратили. Далее, хозяйки публичных домов. Содержатели меблированных комнат, особливо в значных местах. Владельцы и официанты питейных заведений. Ну и несколько воров.

– Вот всех их и ориентируйте на поиск названных гостей. А я зайду с другой стороны.

– С какой? – опять насторожились нижегородцы.

– Мой помощник губернский секретарь Валевачев выехал вчера в Петербург, к месту службы. Я телеграфирую ему вслед, чтобы прислал срочно материалы из дела Разъезжалова. Кто проходил по процессу как свидетель или недоказанный соучастник. Имеются ли родственники и где проживают. Причем не только главаря, но и его подручного Банкина. Есть и подсказка. Человек с двумя шрамами на лице. Это вам ни о чем не говорит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.